
БОЛГАРСКАЯ РУСИСТИКА

2020/2

Орган Общества русистов Болгарии
СОФИЯ 2020

Редакционный совет:

Доц. д-р Антония Пенчева, проф.д-р Татьяна Алексиева, проф. д-р Елена Стоянова, проф. д-р Гочо Гочев, проф. д-р Стефка Георгиева

Международный редакционный совет:

проф. д. ф. н. Юрий Прохоров (Россия)
проф. д. ф. н. Елена Иванова (Россия)
проф. д. ф. н. Мария Котюрова (Россия)
проф. д. ф. н. Йенс Херлт (Швейцария)
проф. д. ф. н. Петр Буняк (Сербия)
проф. д. ф. н. Катажина Воян (Польша)
доц. д-р Ладислав Вибожил (Чехия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доц. д-р Илиана Владова – главный редактор – docvladova@mail.bg
проф. д-р Валентина Аврамова – зам. гл. редактора
доц. д-р Радослава Илчева – зам. гл. редактора
доц. д-р Ценка Досева
д-р Владимир Манчев – отв. секретарь
ст. пр. Светослав Арсениев – технический секретарь

Журнал „Болгарская русистика» включен в Национальную библиографическую базу данных научного цитирования РИНЦ по адресу:<http://www.eLibrary.ru>
ISSN 0323-9160 (print), ISSN 1313-3713 (online)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

С. Н. Георгиева

ПРОФЕССИИ В ЗЕРКАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ
(на материале русского и болгарского языков)5

В. Н. Бертякова

ДИНАМИЧНЫЙ СМЫСЛ СОВРЕМЕННОГО МЕДИА
ТЕКСТА И ПОНЯТИЕ «РЕЧЕВАЯ НОРМА»17

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Р. В. Илчева

А. К. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ И Н. М. КАРАМЗИН К
ИСТОРИИ ТВОРЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ28

П. С. Филиппов

ЭМИГРАНТ И ИММИГРАНТ СОЛЖЕНИЦЫН43

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

В. Н. Аврамова

ВРЕМЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ50

В. А. Шестаков, Г. И. Петрова

ПСИХОЛОГО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА65

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

И. М. Владова

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ75

В. К. Гочева

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РУССКОГО
ДЕЕПРИЧАСТИЯ В РОЛИ ВТОРОСТЕПЕННОГО
СКАЗУЕМОГО81

ХРОНИКА

А. И. Пенчева

КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В
ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИИ»
СОСТОЯЛАСЬ В СОФИИ97

И. Л. Берова
УЧИТЕЛЬ С БОЛЬШОЙ БУКВОЙ100

РЕЦЕНЗИИ

Н. Н. Сыромля
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ „ОБРАЗ ЗАПАДНОЙ
ЕВРОПЫ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ XVIII-XX
ВЕКОВ» (АВТОР ПРОФ. Л. П. ИВАНОВА)105

IN MEMORIAM

И. Л. Берова
УШЛА ИЗ ЖИЗНИ Д-Р ЕКАТЕРИНА СТАНЧЕВА115

Н. Чернева
ДИАНА НИКОЛАЕВА ШКОДРОВА117

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ118

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА120

ЛИНГВИСТИКА

Стефка Георгиева
Доктор филологии профессор
Пловдивский университет
им. Паисия Хилендарского
Болгария, г. Пловдив
e-mail: stefka3@abv.bg

Stefka Georgieva
Professor, Ph.D.
University of Plovdiv
Paisiy Hilendarski
Bulgaria, Plovdiv
e-mail: stefka3@abv.bg

С. И. Георгиева

ПРОФЕССИИ В ЗЕРКАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ (на материале русского и болгарского языков)

Аннотация: В статье рассматриваются устойчивые сверхсловные единицы, связанные с традиционными и новыми профессиями. Обосновано их возникновение наслов. Данные единицы связаны с национальной спецификой языка и конкретного народа.

Ключевые слова: фразеологизмы, профессиональная речь, национальная специфика, фразообразовательная активность.

S.I. Georgieva

PROFESSION IN THE MIRROR OF PHASEOLOGY (on material from the Russian and the Bulgarian languages)

Abstract: In the article stable super-word units, associated with traditional and new professions, are considered. Their occurrence is substantiated on the basis of specific ideas as a result of metaphorization of free combinations of words. These units are associated with the national specifics of the language, and a specific people.

Keywords: phraseological units, professional speech, national specificity, phrase-formation activity.

Профессиональная речь единодушно признается фразеологами одним из наиболее активных ресурсов пополнения фразеологического фонда разных языков. Фразообразовательная активность терминологических сочетаний в прошлом была во

многим обусловлена общеизвестностью тех трудовых процессов, которые ими обозначались. «В этом состоит причина постоянной готовности профессиональной терминологии к эстетической актуализации, к совмещению номинативной и экспрессивно-эмоциональной функции, что приводит к фразеологизации» [3, с. 54-55].

Специализация производственной деятельности, науки и техники в наши дни, на первый взгляд, ведет к ослаблению возможностей актуализации. Вот почему в современных литературных языках больше фразеологии, основанной на традиционно-профессиональной терминологии, чем на современной научно-технической.

Лингвистические анализы выявляют, что фразеология в этом отношении проявляет большую консервативность, чем лексика. И в русском, и в болгарском языках активно функционируют многочисленные новые слова, в то время как фразеологических инноваций при этом во много раз меньше, чем лексических.

Фразеологизмы, связанные с профессиями, существуют во всех языках мира. Фразеология конкретного народа является зеркалом жизни, быта, социальных и географических факторов и т.п., что подтверждается и устойчивыми выражениями данной тематической группы. С одной стороны, есть профессии активно практикуемые во всех странах – это профессия учителя, врача, музыканта, столяра, портного, хлебопекаря, военного, администратора и т.п. и, с другой стороны, профессии, свойственные конкретным народам, не популярные в других странах в результате разного технического или социального развития (например, профессия космонавта), либо в результате различных географических условий и менталитета его обитателей, например, профессии, связанные с ремеслами. Так, например, гончарство (мастерство делать из глины посуду и т.п.), весьма характерно для болгар, откуда и получили свое начало многие устойчивые выражения, например *спукано ми е гърнето / спукана ми е работата* – мое дело швах; мое дело дрянь; моя песенка спета; *обирай си гърниците*, т.е. убирайся отсюда, исчезай; *плащам счупените (строшените) гърници* – расхлебывать кашу/ в чужом пиру похмелье; *хващам гърници* – получить от жилетки рукава/ ищи

(догоняй) ветра в поле; *на грънчар грънци не продавай* – ученого учить только портить/ не учи рыбу плавать и др

Русский и болгарский языки, являясь родственными, имеют общий фразеологический фонд, т.е. ФЕ с подобной образной основой. После революции 1917 года русский язык долгое время (больше 70 лет) сильно влиял на болгарский, что также является причиной пополнения общего фонда фразеологии. В России учились многие болгары разных профессий. Многие из них употребляли русские выражения для названия предметов, явлений, процессов и т.п., которые казались удачными.

Оба государства имеют похожие во многом географические условия – есть горы, моря, государства находятся в Европе, долгое время они поддерживали активные контакты во всех сферах жизни. Все эти факторы обусловили факт, что в обоих языках есть большое число фразеологизмов с одинаковой образной основой, связанных с разными профессиями, например, с профессией моряков (*бросить якорь – хвърлям котва*); охотников (*заметать следы – заличавам дирите*), педагогов (*белое пятно – бяло петно*), музыкантов (*заключительный аккорд чего, к чему – заключителен акорд на нещо*); спортсменов (*бить прямо в цель – улучавам право в целта*); бытом крестьян (*лить воду на мельницу /чью/ – наливам вода във воденицата /на някого/*) и т.п.

Наличие фразеологизмов в профессиональной речи, жаргонов и арго объективный факт, но они почти совсем не изучены. У нас нет их списков, реестров, по которым можно было бы составить хотя бы общее представление о специфических особенностях и количестве таких фразеологизмов [2, с. 213].

Под фразеологизмами в профессиональной речи в работе подразумеваются те устойчивые выражения, преимущественная сфера употребления которых была профессиональная речь, а потом они перешли в общенародный язык, и фразеологизмы, преимущественная сфера которых та же, что и в терминологической лексике, т.е. узко профессиональные «языки», подязыки», разновидности и стили речи.

Значительным пластом русской фразеологии являются выражения, связанные с древними русскими ремеслами. Они не

характерны для болгарского языка. В подобных ситуациях в болгарском языке используются выражения обобщающего характера. Например, от речи **столяров** ведут свое начало русские ФЕ: *без сучка /и/ без задоринки* – като по мед и масло; *разделатъ под орех* – правя /някого/ на бѣзе и коприва / на мат и маскара; *снять стружку* – хокам някого и др. От **скорняков**: *овчинка выделки не стоит* – не си струва труда; *небо с овчинку показалось* – видях звезди посред бял ден; от **сапожников**: *два сапога – пара* – лика-прилика / халваджия за бозаджия и др.

В быту болгар очень распространенным ремеслом было **лужение** (калайдисване) и в болгарском языке бытуют ФЕ, в образной основе которых это нашло отражение: *обирам / обера калая* – получать / получить головомойку / достанется на орехи (кому-л.); *въртя се като калайджия* – вертеться как сорока на колу; *кога стана калайджия, кога му почерняхя рѣцете* – из молодых ранней и др. Это ремесло не характерно для русского быта, так как на Руси раньше преимущественно употреблялись чугунные и деревянные посудины, потому и в языке не встречаются ФЕ с подобной образной основой, как в болгарском.

Из речи **рыбаков и охотников** остались устойчивые выражения, которые довольно многочисленны и частотны в обоих языках: *мутить воду* – мѣтя водата; *поймать / ловить в свои сети* – хвана / хващам някого в мрежите си; *попадать / попасть в сети (чьи, кого)* – хващам се в капана (на някого); *попадать / попасть в ловушку /- вляза / влизам в капана*; *быть в ловушке /в западне – в капана съм*; *готовить ловушку (кому-либо)* – готвя капан (на някого); *плести сети* – плета мрежите си; *нападать / напасть на след (кого-либо)* – влизам / вляза в / хващам дирите на някого; *по горячим следам* – по прясна диря; *сдирать шкуру (с кого)* – съдирам кожата на някого; *закинуть / закидывать удочку* – хвърля / хвърлям въдицата; *поймать на удочку (кого)* – хвана / ловя някого на въдицата; *попасть / попадаться на удочку* – налапам/ налапвам въдицата, *вывести на чистую воду (кого)* – изкарвам (някому) кирливите ризи; *изкарвам на бял свят* и др. Большинство ФЕ данной тематической группы являются многозначными.

Из речи **железнодорожников** в разряд фразеологизмов

перешли словосочетания: *ставить / поставить на рельсы – вкарам / вкарвам в релсите; заходить / зайти в тупик – в задънена улица (съм); дать зеленую улицу – давам зелена улица; стрелочник виноват – стрелочникът е виновен* и т.п.; подобные ФЕ имеют аналогичную образную основу. Интерес представляют болгарские устойчивые словосочетания с компонентом *глух* (в значении *второстепенный*): *глуха линия – вторая роль / второстепенное место; държа в глуха линия – держать в тени (кого-либо) / не давать ходу (кому-либо); пращам в глуха линия – держать на вторых ролях (кого-либо)*.

Речь **моряков и речников** также оставила свой след во фразеологии: *девятый вал – деветата вълна; держать курс (на что) – държи курс; сажать / посадить на мель (что, кого) – оставям / оставя да заседне на плитко; держать нос по ветру – обръщам се накъдето духа вятърът; под парами быть – под пара е / готов е да тръгне; плыть по течению – плувам по течението; идти (плыть) против течения – вървя (плувам) срецу течението; плавать под чужим флагом – плавам под чуждо знаме; бросить (кинуть) якорь (где) – хвърлям (пусна) котва, висеть в воздухе – увисвам във въздуха; (намирам се) във висящо положение; держать нос по ветру – обръщам се накъдето духа вятърът / обръщам се като ветропоказател; за бортом (остаться / быть / оказаться) – оставам зад борда / вън от играта / оставам на сухо; взять на буксир (кого, что) – вземам на буксир (някого) и др. Данная группа довольно многочисленна в обоих языках.*

Во фразеологический фонд вошли и выражения, связанные с профессией **шофера**: *на полном газу (ехать / мчаться) – с пълна пара; на всю железку – (карам) с пълна газ / до крайна степен; нажать / нажимать педали (из речи велосипедистов) – натискам педалите / давам зор; дать / давать задний ход – дам / давам заден ход, вставлять палки в колеса – слагам /турям (някому) прът в колесницата и др. Образная основа данных выражений также одинакова в преобладающем большинстве примеров.*

С профессиями **слесаря, механика и монтера** связаны фразеологизмы: *винтиков в голове не хватает (у кого) – развила (му) се е бурмата; гайка ослабила (у кого) – загуби ума и дума / гълътна си езика; гайка слаба (у кого) – хич го няма / не му стиска; до белого*

каления (*довести кого-либо*) – *изкарвам някого от кожата; между молотом и наковальней (быть)* – *между чук и наковалня; заводить / завести с полуоборота* – *пали бързо; завести на полную пружину (кого)* – *навия / навивам някому бурмата* и др. Почти все ФЕ данной группы имеют омонимических свободных словосочетаний, степень метафоричности, с другой стороны, у них очень высокая. Они возникли на основе конкретных представлений в результате метафоризации свободных сочетаний слов. Первоначально они были отчетливо мотивированы в своей семантике и ограничены в контекстуальных связях. Однако «постоянное расширение числа контекстов, включающих ФЕ, приводит к ослаблению мотивированности, к увеличению круга слов-сопроводителей и развитию полисемии» [1, с. 100].

В обоих языках встречаются и ФЕ, связанные с работой **портного**: *до последней нитки – до конец; в нитку – като по конец; расплзаться по швам – разпада се по шевовете; шито белыми нитками – шито с бели конци; на один покрой – по един калъп ; как по нитке – като по конец; как иголка в стогу сена (исчезнуть) – (изчезна) като игла в копа сено; иголку(и) негде воткнуть – игла няма къде да хвърлиш / да падне* и т.п. Встречаются и устойчивые выражения, в которых эта профессия закодирована в образной основе только одного языка. Например, русские ФЕ *с иголочки* – *сега ушит, току-що взет от шивача; как нитка с иголкой (быть)* – *не можем да дишаме един без друг / като сиамските близнаци сме*; и болгарские ФЕ *от игла до конец* (*разказвам*) – *от начала до конца / от аза до ижицы; прецеждам през иглени уши* – *процедить через шелковое сито* и др.

С речью **поваров** связаны фразеологизмы *заварить кашу – забърквам каша; жарить на медленном огне – пека на шиши; из другого теста сделан – от друго тесто съм направен; сделать котлету (из кого-либо) – правя на баница (някого); подлить масла в огонь – наливам масло в огъня; крутиться как карась на сковороде – мятан се като риба в тиган; проще паренной репы – прост като фасул / леца; все идет как по маслу – върви ми / тръгна ми по вода* и др. В данной группе, кроме совпадений, наблюдаются и фразеологизмы с национальным колоритом. Это, например, русские

ФЕ *седьмая вода на киселе* – деветата дупка на кавала; *чинить кашу* (т.е. устраивать свадебный пир); *расхлебывать кашу* – *сърбам / ям попарата / оправям* кирливите ризи (на някого); *каши / ухи не свариши* (с кем-либо) – не се мели брашно с някого; *зеленые щи* (из листьев шпината, щавеля или молодой крапивы) – нет соответствия в болгарском; и болгарские ФЕ *правя на дроб-сърма* (някого) – сделать отбивную котлету; *нарязвам като кисела краставица* – разделать под орех; *хия се като пача* – ухмыляться во весь рот; *блага баница* – похоже на сладкий пирог, нет соответствия в русском и др. В подобных выражениях отразились традиции как в кухне русского, так и в кухне болгарского народов.

Фразеологизмы, связанные с **музыкой, театром и изобразительным искусством** очень своеобразны: *заключительный аккорд* – *последен акорд*; *во весь голос* – *с пълен глас*; *в голосе быть* – *гласът ми е в добра форма*; *как по нотам* – *като по ноти*; *менять / переменять декорации* – *сменям / сменя декорите*; *сгустить / сгущать краски* – *сгъстя / сгъстявам боите*; *лебединая песня* – *лебедова песен*; *войти / входить в роль* – *вляза / влизам в ролята* (на някого); *первая скрипка* – *първа цигулка*; *как по нотам* – *като по ноти*; *сойти / сходить со сцены* – *напусна / напускам сцената*; *здать / задавать тон* – *дам / давам тон*; *в голосе быть* – *гласът ми е в добра форма*; *не в голосе быть* – *зле съм с гласа / не мога да пея*; *петь / играть в тон* – *пея / свиря в съзвучие*; *в один голос* – *в един глас / единодушно* и др. Большая часть данных ФЕ совпадает в образной основе почти во всех языках, однако есть ФЕ, в которых отражены характерные национальные инструменты и т.п. Например, *бесструнная балалайка* – *навит грамофон*; *празна воденица*; *тянуть волынку* – *разтягам локуми* и др., и болгарские – *надувам гайдата* – *распускать нюни*; *играя по гайдата* (на някого) – *плясать под (чью-либо) дудку* и др.

Большая группа ФЕ перешла в общенародный язык из речи **военных**: *тяжелая артиллерия* – *тежка артилерия*; *холостой выстрел* – *халосен патрон / кьор-фишек*; *боевое крещение* – *бойно кръщение*; *поднять / поднимать меч* (на кого, против кого) – *вдигам / вдигна меч / оръжие* (срещу някого); *взять / брать под обстрел* (кого, что) – *взема / вземам някого на мушка*; *держат порох сухим*

– *държа барута сух; выйти / выходить из строя – изляза / излизам от строя; В итыки! – На нож! (команда), адмиральский час – обеденное время (пора перекусить); бить в набат – бия тревога; бить отбой – давам отбой; в два счета – едно-две и готово; на бърза ръка; выйти из строя – изваждам от строя (накого) и др.* Это большая группа фразеологизмов в обоих языках, и в большинстве из них образная основа совпадает.

Большую группу составляют фразеологизмы, связанные с деятельностью **политика, чиновника, служащих законодательной власти**: *архивная (бумажная / канцелярская) крыса – канцеларски плъх; бразды правления – кормилото на властта; буква закона – буква на закона; подводить / подвести под закон – давам под съд; жрецы Фемиды – служители на Темидата; у власти (быть, стоять) – на власт съм; сдавать / сдать в архив – пращам / пратя в архива; прятать / спрятать концы – заличавам дирите (на престъпление); штаны протирать – канцеларска работа; обходить / обойти закон – заобикалям / заобиколя закон; административный восторг (собств. русское, т.е. упоение своей властью); выходной день – почивен ден; всерьез и надолго и др.* К данной группе относятся и ФЕ, которые связаны с порядками в Старой Руси и их образная основа глубоко национальна, например: *класть / отложить в длинный ящик – отлагам за неопределено време; Шемякин суд – несправедлив, пристрастен съд* и др. и болгарские: *нападнали като делибашии/нападнали като кърджалии* (о массовых жестоких нападениях) и др.

Многочисленны и ФЕ, связанные с **юриспруденцией**, например: *в здравом уме* (собств. русское, из юридической формулы *в здравом уме и твердой памяти*, применявшейся при составлении завещаний) – *в пълно съзнание, напълно съзнателно; создавать законы – кова закони; вернемся к нашим баранам – да се върнем на темата; взвесить все за и против – да претеглим всичко за и против; выставить на позор* (собств. русское, от обычая XIX в., выставляя людей к позорному столбу) – *разобличавам (някаго за нещо); за выслугу лет – за прослужени години; глаз на глаз – очи в очи* и др. Большая часть данных словосочетаний являются кальками с латинского, греческого, либо с западных языков.

Из речи **спортсменов** получили свое начало устойчивые

выражения *поставить рекорд* – *поставям рекорд*; *побить рекорд* – *чупя / счупвам рекорд*; *пальма первенства* – *палмата на първенството*; *с тычка ударить* (кого) – *удрям (някого) с къс удар / отблизо*; *играть опасную игру* – *играя опасна / рискована игра*; *выйти из игры* – *излизам от играта*; *показывать класс* (чего, в чем и без доп.) – *показвам високо майсторство* (в игра); *один-ноль* (в чью-либо пользу) – *едно на нула*; *одержатъ победу* – *спечелвам играта*; *моя карта бита* – *картата ми е бита / изиграна*; *играть с открытыми картами* – *играя с открити карти*; *переходить в наступление / в атаку* – *минавам в настъпление*; *выйти вперед* – *излизам начело*; *вырвать победу* – *изтръгвам победа*; *олимпийские игры* – *олимпийски игри*; *олимпийское спокойствие* – *олимпийско спокойствие* и др. У данных устойчивых словосочетаний одинаковая образная основа, и они, вероятно, имеют один источник заимствования.

В обоих языках много устойчивых выражений, связанных с занятиями **крестьян**: *лить воду на мельницу* (чью) – *наливам вода във воденицата (на някого)*; (*бросать, кидать, пускать*) *камешки в чей-либо огород* – *хвърлям камъни в градината на някого*; *работать как вол* – *работя като вол*; *отсеивать / отсеять плевелы от зерен* – *отсявам плевелите*; *подготавливать почву* – *подготвям почвата*; *наломать дров* – *объркам конците*; (*не*) *всяко лыко в строку* – *търся от някого отговорност* (не трябва всичко да се тегли с аптекарски везни) и др. В этой группе несомненный интерес представляют фразеологизмы, которые наделены национальным колоритом и отражают специфику образа жизни русских и болгар. Эта специфика закодирована в образной основе ФЕ. Она всегда конкретна и различна для обоих языков, связана с национальным бытом конкретного народа, например, русские ФЕ *нашла коса на камень* – *два остри камъка брашно не мелят* (болгарское соответствие связано с деятельностью мельников); *пустить / пускать козла в огород* – *вкарвам си (сам) вълка в кошарата* (болгарское соответствие связано с пастухами); *лыком шит* – *прост като фасул* (букв. `простой как фасоль`); болгарские ФЕ *в небрано лозе* (букв. «в винограднике с нетронутым виноградом») – *не в своей тарелке*; *на краставичар краставици не продавай* (букв. «не торгуйся с производителем

овощей») – не учи ученого и др.

По всей вероятности, ФЕ данного типа возникают самостоятельно в конкретных языках, они глубоко национальны и связаны с экстралингвистическими факторами. По утверждению А.М.Эмировой «общее фразеологическое значение формируется на основе различных типов переноса значения свободного словосочетания, которое представляет собой результат сложного движения, сталкивания и переплетения различных ассоциаций» [4. с. 45].

Фразеологизмы, связанные с профессиональной речью характеризуются ярко выраженной полисемией, что является следствием высокой стипени метафоризации исходных текстов, например: *боевое крещение* – 1. бойно крещение, 2. първо сериозно изпитание; *тяжелая артиллерия* – 1. тежка артилерия, 2. тежка гемия, 3. най-големият коз / най-сериозните доводи; *отливать / отлить пули* – 1. бессовестно врать, рассказывать что-либо неправдоподобное, 2. говорить / делать что-либо необычное, неожиданное; *сойти / сходить с рельсов* – 1. дерайлира, 2. кривна от правия път; *на мели* (быть, сидеть, оказаться, очутиться) – 1. на плитко / на плитчина (съм), 2. в затруднено положение (съм) и др. Устойчивые выражения данного типа могут употребляться как в своем прямом значении, в контекстах, связанных с той профессией, откуда они получили свое начало, так и в текстах с переосмысленным значением.

Рассматриваемая группа ФЕ характеризуется также хорошо развитой системой синонимических и антонимических отношений, что связано с характером рассматриваемого объекта. Например: *бить тревогу* = *бить в набат* – бия тревога; *бить отбой* = *класть / положить оружие* = *поднять белый флаг* – вдигам бяло знаме; *бросать якорь* = *пускать / пустить корни* – хвърлям котва; *затягивать / затянуть гайки* = *держать в узде* = *подтянуть / подтягивать вожжи* = *надевать / надеть хомут на шею* = *брать / взять в крепкие руки* – свивам / свия юларя на някого; *старой закваски (кто-либо)* = *старого покроя (кто-либо)* = *старого закала (кто-либо)* – от старата генерация (съм) и многие другие. Богатая синонимия зафиксирована как в русских, так и в болгарских текстах.

Модели, по которым образованы данные ФЕ, способствуют развитию и богатой вариативности компонентов: архивная / бумажная / канцелярская крыса – канцеларски плъх; брать на прицел / на мушку – вземам на мерник; истратить все патроны / весь порох – гърмя си патроните; на всех парах / парусах – с пълна пара; ловить / поймать в западню / в ловушку / в капкан – вкарвам / вкарвам някого в капана и т.п.

Антонимия отражает противоположности в разных сферах деятельности людей, как в русском, так и в болгарском языках: заварить кашу // расхлебывать кашу – забърквам каша // оправям си бакиите; затягивать / затянуть гайки // отпустить возжи – стягам юздите // отпускам му края; заходить / зайти в тупик // открывать / открыть / дать зеленую улицу – в задънена улица // зелена улица; играть первую скрипку // пятая / последняя спица в колеснице – свиря първа цигулка // последна дупка на кавала; выйти на сцену // сойти со сцены – изляза на сцената // сляза от сцената и др.

Ряд профессий имеет открытый характер, так как появляются новые профессии и вместе с ними в язык входят выражения, связанные с этими профессиями. Например, сравнительно недавно появился фразеологизм выйти на орбиту, связанный с исследованием космоса. В последнее время активизируются ФЕ, связанные с коммерцией, например: отзывать аккредитив – оттеглям акредитив; иметь на активе – имам в/на актив; брать в аренду – вземам под аренда обявялять себя банкротом – обявявам се в несъстоятелност (във фалит); по валу – по обем / по количество; облагать пошлиной – облагам с мито и др.

Большинство фразеологизмов данной тематической группы характеризуются переосмыслением всего словосочетания, которое имеет омонимичное свободное словосочетание. Подобные ФЕ ярко иллюстрируют группу фразеологических единств (по классификации В.В.Виноградова). В отличие от других тематических групп (группы ФЕ с компонентами-символами, например, ФЕ с компонентом растением, животным, цветом, соматизмом, небесным окружением, музыкальным инструментом и т.п.), то во фразеологизмах, связанных с профессиями, все компоненты участвуют в формировании семантики словесного комплекса, а не только компоненты с

СИМВОЛИЧЕСКИМ ЗНАЧЕНИЕМ.

Библиографический список

1. Ивашко Л. А. Квантитативные фразеологические единицы в псковских говорах. // Проблемы русской фразеологии. Тула, 1978.
2. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Ленинград, «Наука», 1977.
3. Проблемы фразеологической семантики. (Сборник под ред. Г.А.Лилич). СанктПетербург, «Языковой центр», 1996.
4. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. Ташкент, 1988

Примечание

Работа выполнена в рамках научного проекта № КП – 06 – Русия – 11 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве», получившего поддержку РФФИ и Национального научного фонда Болгарии.

Бертякова Анна Николаевна
доктор филологии, доцент
Государственный институт
русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия
e-mail: anna_lazzo@list.ru

Bertyakova Anna Nikolaevna
Associate Professor Ph.D.
Pushkin State
Russian Language Institute
Russia, Moscow
e-mail: anna_lazzo@list.ru

А.Н.Бертякова

ДИНАМИЧНЫЙ СМЫСЛ СОВРЕМЕННОГО МЕДИА ТЕКСТА И ПОНЯТИЕ „РЕЧЕВАЯ НОРМА”

Аннотация. В статье осмысление понятия «речевая норма» проводится с опорой на её главный источник – реальное функционирование языка.

Сегодня норма оказывается под воздействием масс-медиа. Новая культурная парадигма всеобщей визуализации и виртуализации прогнозирует подвижную структуру современного медиатекста, динамику его смысла, смысла, растворенного в реальной и виртуальной реальности, в общих законах психологии. Маркерами этого динамичного смысла становятся не только новые слова, новая парадигматика, синтагматика и эпидигматика общеупотребительных слов, но и новые грамматические единицы.

Ключевые слова: речевая норма, медиатекст, динамичный смысл, предложно-падежная форма.

A.N. Bertyakova

THE DYNAMIC MEANING OF MODERN MEDIA TEXT AND THE CONCEPT OF “SPEECH NORM”

Abstract. In the article, the understanding of the concept of "speech norm" is based on its main source – the real functioning of the language.

Today the norm is being influenced by the mass media. The new cultural paradigm of universal visualization and virtualization predicts the flexible structure of modern media text, the dynamics of its meaning, meaning dissolved in real and virtual reality, in the general laws of psychology. Markers of this dynamic meaning are not only new words, new paradigmatics, syntagmatics and epigramatics of common words, but also new grammatical units.

Keywords: speech norm, media text, dynamic meaning, prepositional-case form.

Рассуждая о правильности в языке, академик В.Г. Костомаров в

монографии «Язык текущего: понятие правильности» пишет: «Единое средство общения, которое в интересах взаимопонимания людей кристаллизуется в безбрежном языковом океане, обрабатывается, регулируется и используется просвещёнными слоями общества, всегда соотносено с настроением, потребностями, жизненными притязаниями эпохи» [5].

Современная культурная парадигма – парадигма всеобщей визуализации и виртуализации.

Благодаря внедрению Интернета и цифровых технологий виртуализация сегодня стала достоянием сотен миллионов пользователей и сформировала нового человека, человека, конструирующего миры. «Географические показатели пространства уже не играют столь значительную роль в жизни общества, как это было совсем еще недавно. Географическое пространство все меньше и меньше является для нас первостепенным. Оно стало пластичным, искусственно конструируемым по месту и времени, разделяемым на части и легко воссоединяемым по желанию креативщика» [9].

«Аудио-видеозаписи, кино и телевидение, мобильная телефония, компьютер, и особенно интернет коренным образом меняют исторически сложившееся языковое существование людей. Библиотеки стали хранилищами отнюдь не только библиос(книг), но и карт, рисунков, фильмов, кассет, дисков, флешек, различных оцифровок аудио и видеозаписей. Весь мир теперь фиксирует, хранит, воспроизводит информацию в виде живых актов общения, создавая даже иллюзию соучастия» [6].

Появление массы технологий создания, воспроизводства и распространения изображений определило новую роль наглядности. Сегодня зрительные образы не только репрезентируют реальность, но и моделируют ее, формируют мировосприятие современного человека. «Современная культура немислима без своих визуальных форм, среди которых доминирующими являются средства передачи информации в медиапространстве» [7].

Сегодня масс-медиа являются важнейшим инструментом воздействия на общественное и индивидуальное сознание, политическую жизнь и культуру. Будучи важным инструментом организации свободного времени человека, средства массовой

информации оказывают влияние на его социальное поведение, формируют индивидуальные психологические особенности, его речевую культуру. Современные масс-медиа становятся главным источником нормы, выводимой из реального функционирования языка.

М. Горький писал: «Язык создаётся народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, сырой материал. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его» [3].

Классическая художественная литература как образец и источник нормативности утрачивает свое первостепенное значение. Новая норма, оказывается под воздействием современных масс-медиа. «Телевидение, радио, периодика, в целом массовая культура все активнее становятся «законодателями моды», «воспитателями» нового языкового вкуса. К сожалению, вкуса не всегда высокого класса. Однако игнорировать эти процессы нельзя, в них заложены объективные потребности нового общества, нового поколения – более раскованного, более технически образованного, более контактирующего с носителями других языков» [1].

В контексте современной культурной парадигмы классический текст СМИ, основным признаком которого является некая целостная структура, некий завершённый смысл, теряет свою актуальность. На смену ему приходит текст с подвижной структурой, с динамичным смыслом, смыслом, растворённым в реальной и виртуальной реальности, в общих законах психологии.

Понятийными маркерами этого смысла становятся новые слова, расширяющаяся парадигматика и новая синтагматика общеупотребительных слов. Ср., например, прогнозируемый новыми технологическими реалиями синонимический ряд слова «телефон»: *телефон – трубка – труба – мобильный телефон – мобильный – мобильник – мобила – сотовый телефон – сотовый* или синтагматический ряд слов «сеть» и «мобильный»: *локальная сеть, глобальная сеть, всемирная сеть, мобильный телефон, мобильный интернет, мобильный банк, мобильная связь, мобильная сеть, мобильное приложение, мобильное электронное образование* и др.

Проявляют себя как понятийные маркеры нового смысла и грамматические единицы, в то же время, по тонкому наблюдению академика В.Г. Костомарова, новое в грамматике традиционно воспринимается как нечто неправильное, нарушающее представление о языковой норме. Исследователь пишет: «Запуски космических аппаратов дали новые слова: космонавт, космодром, лунник, прилуниться, расширили значение слова спутник. Грамматическое новшество **вижу спутник, боролось наблюдать искусственного спутника** (спутник, попутчик – одушевленные имена) в наших газетах не более полугода, но это редчайшее исключение; новое в морфологии чуть ли не вечно признается ошибкой, и мы упорно говорим **вижу мертвого человека, мертвеца, хотя вижу труп**» [4].

Активными маркерами кодирования/ декодирования нового смысла в современных медиатекстах становятся предложно-падежные формы (ср. например: *искать в телефоне, загрузить в телефон, смотреть на телефоне* и др.).

Падежная форма (на каком бы уровне синтаксиса она ни работала) способна однозначно участвовать в порождении нашим сознанием определенного смысла, потому что за ней стоит интуитивно улавливаемое носителями языка пространственное представление. Это находит подтверждение в структуре человеческой психики, к древнейшим оппозициям которой принадлежат пространственные представления [Леви-Стросс 1985].

Наиболее типичными случаями употребления предлогов обычно считаются пространственные употребления. Именно с них начиналось исследование семантики предлогов (см., например, [Gougenheim 1959], [Leech 1969], [Clark 1973]). Признак «n-мерности» встречается в работах, проводимых в рамках теории прототипов (см., например, [Welsche 1988]), а также в исследованиях когнитивного направления (см., например, [Hottenroth 1991]).

Очевидно, прототипичность пространственных употреблений предлога определяется его синтаксической функцией маркера падежной категории, сущностную основу которой составляют пространственные отношения. Формирование субъект-объектного строя русского предложения (внутренний синтаксис) привело к тому, что конкретные падежи, оказавшись на периферии (внешний

синтаксис), стали маркироваться предлогами [Якубинский 1953: 178–179].

Пространственная модель взаимоотношения объекта и предикативного признака включает понятие падежа как локуса, относительно которого выявляется активный признак. Базовые локативные значения ВНЕ ~ ВНУТРИ выступают в роли «эмбриона», из которого, постепенно обрстая новыми, более дифференцированными оттенками значения, развиваются различные конфигурации системы «имя–глагол» [Ильченко 2017: 136].

Маркируя в отдельном сегменте высказывания базовое локативное значение пространственной модели взаимоотношения объекта и предикативного признака, предлоги актуализируют семантическую сущность имени, склонную к трансформации в результате влияния внешней детерминанты, понимаемой в узком смысле как фактор, прогнозирующий новое состояние субстанции, ее новое содержание, нуждающееся в отображении языковыми средствами.

Так, непривычное сегодня употребление предложно-падежной формы *в телефон* в контексте глагола *говорить* еще во времена Чехова было единственно верным. Своей знакомой Ольге Васильевой А.П. Чехов дает 20 марта 1901 года из Ялты инструкцию. «Когда приедете в Гурзуф, то скажите мне об этом в телефон. Ялта соединена с Гурзуфом, потребуйте соединить с Ялтой, потом потребуйте Чехова, потом звоните... У меня в доме свой телефон». И шутливо добавляет: «Я ведь важный человек» [Рыбаков Юрий. Чехов и телефон // Труд-7, 2001.02.27].

Лексика того периода была очень изобразительна. Именно телефон звонил, то есть издавал звук, а человек направлял речевой поток в трубку телефонного аппарата, которая была похожа на микрофон, и в нее, действительно, говорили. Потребовалось время, чтобы изобразительность начала утрачиваться. Замена предлога *в* предлогом *по* означает, по-видимому, что на смену конкретному пространственному изображению (направлению речи в аппарат) приходит абстрактная интерпретация. Наиболее близкой является аналогия с идеей связи и средства (или канала) такой связи: ср. *общаться по переписке* и *связаться по почте* и более современные –

разговаривать по скайпу или *общаться по интернету (связаться по электронной почте)* [8].

Предложно-падежная *в телефон*, утратив актуальность в контексте глагола *говорить*, становится вполне органичной в контексте переосмысления пространственной семантики падежной формы. Ср., например, контексты с интенцией передачи психологического состояния субъекта действия:

- *Весь ролик звезда кричит в телефон, пытаюсь отвоевать право «быть Джоном Малковичем* [lenta.ru, 2017.02.05].
- *Но только после того, как я накричал на него в телефон: «Возвращайся быстрее!»* [Новый регион 2, 2008.08.27].
- *Я им кричу в трубку: «Мне не надо 4 января, мне сейчас!»* [Новая газета, 2018.03.20].
- *«Точно, – говорят, – летишь вторым рейсом». А я в трубку: «Ура! Спасибо!» Четыре часа нам дали еще побыть вместе!* [Новая газета, 2017.12.25].

Со временем происходят внешние и функциональные изменения телефонного аппарата. Современный телефон – это гаджет, объединяющий функции обычного сотового телефона и карманного компьютера. По нему можно осуществлять звонки, писать SMS, а также выходить в интернет и устанавливать различные приложения, удовлетворяющие запросам пользователя. У телефона появляется экран.

В современных текстах СМИ привычным языковым маркером новых технологических реалий становятся такие грамматические новшества, как: *смотреть в телефон* и *вариативное смотреть на телефоне*, *играть в телефон*, *включать на телефоне* и др.

Функциональная многогранность современного телефонного аппарата передается в грамматических новшествах: *закачать в телефон*, *вставить в телефон*, *заглянуть в телефон*, *хранить в телефоне*, *искать в телефоне* и др. См. примеры:

- *Тот бедняга мечется по супермаркету и думает, как бы чего не забыть из продуктов. А тут глянул в телефон – полка для яиц пуста!* [Комсомольская правда, 2007.08.22];
- *Приложения, иконки которых видны на экране Smart*

Watch предварительно **закачиваются в телефон** через диспетчер LiveWare [РБК Дейли, 2012.07.31];

- **Скачай** программку **в телефон**, **накидай битов**, и **вот ты уже рэпер** [Новая газета, 2017.10.03];

- Я никогда раньше не печатала фотографии людей. Привычка все **хранить в телефоне**. Теперь у меня есть два снимка Зои Валентиновны [Новая газета, 2018.12.28].

- ...самая главная фишка именно этой модификации камеры – наличие WiFi модуля и возможность выгружать свежезаписанное видео напрямую в интернет, **используя точку доступа в телефон** [Известия, 2012.05.25] и др.

А такая визуальная и функциональная характеристика телефонного аппарата как экран способствует появлению грамматических единиц **смотреть на телефоне, включить на телефоне** и др.:

- Потом двоих мальчиков родители привели, – Сезар **показал видео на телефоне** [Новая газета, 2018.06.29];

- Во время осмотра достопримечательностей он устал и присел на установленные для превращения падения туристов перила, чтобы немного **поиграть** в одно из приложений **на телефоне** [Lenta.ru, 2018.03.14];

- Пользователям показывают две рекламные публикации: в первой двое молодых людей **рассматривают на телефоне** адрес закладки на фоне автомобиля Belka Car [Lenta.];

В современных медиатекстах по аналогии **со смотреть на телефоне** появляется и словосочетание **смотреть на телевизоре**.

См. примеры:

- Как лучше **смотреть** кино —на большом экране через проектор или **на телевизоре** с внушительной диагональю и HD-разрешением? [РБК Daily, 2011.03.05];

- Самый простой способ **смотреть** видео со смартфона или планшета **на телевизоре** [Известия, 2013.09.05] и др.

Грамматическое новшество **смотреть на телевизоре** обозначает новое понятие. Современный телевизор – это и платформа для воспроизведения на экране определенного контента.

Перевод содержания во всех его формах – текстовой,

графической, звуковой – в цифровую обусловил один из наиболее значительных технологических процессов в современном обществе – конвергенцию (от лат. *converge* – приближаюсь, схожусь), на *технологическом* уровне, рассматривающуюся как процесс, объединяющий все типы цифровой информации и медиаконтента в интегрирующихся телекоммуникационных, компьютерных сетях и медиа. Цифровой формат содержания позволяет осуществлять его распространение в различных формах вне зависимости от конкретной индустрии СМИ и технологических платформ [2].

Функция современного телефона служить каналом связи с интернетом прогнозирует семантическую идею пространства, в котором совершаются те или иные действия. См. примеры;

- *Но есть люди, которые мне моментально в телефон присылают съемку нарушений* [Новая газета, 2018.07.01]
- *Джо снова смотрит в телефон – 200 новых сообщений: «Умри!»* [Новая газета, 2017.12.13]
- *Прокурор при этих словах что-то писал в телефон* [Новая газета, 2017.11.20].

Следует отметить, что семантическая идея пространства ранее маркировалось актуальными и сегодня фразеологическими сочетаниями *висеть на телефоне, висеть на трубке*. См. примеры:

- *Семья ничего не поняла, мама была просто шокирована, когда я два дня висел на телефоне, отвечая журналистам, и снимался в репортажах* [Новая газета, 2016.12.23];
- *Начиная с нового года, привычка подолгу висеть на трубке обойдется дороже* [РИА Новости, 2006.11.27].

Однако наряду с семантической идеей пространства, в котором субъект действия находится дольше определяемого сознанием носителя русского языка как достаточное для телефонного разговора времени, появляется и семантическая идея транспонирования субъекта действия из реального в виртуальное пространство. Эта семантическая идея маркируется такими, например, фразеологическими сочетаниями, как *сидеть в телефоне, застрять в телефоне*. См. примеры:

- *Ранее пользователи соцсетей заметили, что Трамп во*

время траурной церемонии пытался незаметно сидеть в телефоне, закрыв его программкой мероприятия [gazeta.ru, 2018.12.06];

- *Они весь урок ходят по классу, выходят, когда хотят, кричат и сидят в телефоне [Новая газета, 2017.12.0];*

- *Я застрял в телефоне, как муха в паутине, на несколько часов [Новая газета, 2018.10.28] и др.*

Маркером этой семантической идеи становятся и фразеологическое сочетание сидеть в мобильном телефоне:

- *По мнению очевидцев, водитель мог находиться «в неадекватном состоянии, возможно даже был пьян, и во время столкновения сидел в мобильном телефоне» [Коммерсант, 2016.05.14].*

А фразеологическое сочетания *уйти в мобильный телефон* становится языковым маркером семантической идеи транспонирования реальных событий действий и т.д. в виртуальное пространство. См. примеры:

- *Весь технический прогресс ушел в мобильный телефон [Комсомольская правда, 2013.01.31] и др.*

Ср. и другие образные сочетания с включением предложно-падежных форм семантического синонима «мобильный телефон», в которых актуализируется семантическая идея интернетпространства:

- *Весь бизнес в мобильном телефоне или планшете» – так вкратце можно охарактеризовать концепт Сбербанка [lenta.ru, 2015.10.09];*

- *Если избиратель согласен (принять участие в эксперименте), оператор (на избирательном участке) загружает программное обеспечение в мобильный телефон с помощью Bluetooth или кабеля [РИА Новости, 2009.03.01];*

- *Смотрите, мы начали с настольного компьютера, потом ушли в планшет, а сейчас Booking.com есть и в мобильном телефоне [lenta.ru, 2016.05.25];*

- *С августа в Шереметьево, Домодедово и Внуково предполетный досмотр можно будет пройти при наличии электронного билета в мобильном телефоне [Коммерсант, 2017.05.15] и др.*

По мобильному телефону сегодня можно не только говорить, связаться, но и руководить: *По версии следствия, он руководил группой по мобильному телефону, не покидая своей тюремной камеры* [Коммерсант, 2018.11.20].

Таким образом, главным источником речевой нормы сегодня становится масс-медиа. Задача медиатекстов отразить сущность новых технологических реалий, они прогнозируют не только появление новых слов, новую эпидигматику, парадигматику и синтагматику слов, но активное появление грамматических новшеств, которые следует рассматривать как речевое явление, расширяющее возможности языка в плане удовлетворения конкретных коммуникативных задач.

Визуализацию представленного материала см. по ссылке: https://vk.com/pushkin_inst?w=wall-30164925_7222

Библиографический список

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. – Москва: Логос, 2001. 304 с. [<http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/part-003.htm>]
2. Вартанова Е.Л. Человек и цифровая революция в СМИ: вызовы и проблемы //Человек как субъект и объект медиапсихологии. Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова / Ин-т человека; Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 11 – 39.
3. Горький М. О литературе. М., 1937. С. 220).
4. Костомаров В.Г. Норма языка и нормы в языке (опыт интерпретации). Русский язык за рубежом. 2011, № 4 (227). С. 55-59; ISBN 978-5-211-06224-5.
5. Костомаров В.Г. Язык текущего момента: понятие правильности. – СПб.: Златоуст, 2014 – 220 с.; ISBN 978-5-86547-823-2;
6. Костомаров В.Г. Дисплейный текст как форма сетевого общения //RussianLanguageJournal, Vol.60,2010[http://rlj.americancouncils.org/issues/60/filesst_Kostomarov_2010.pdf];
7. Краснаярова Н.Г. Философия искусства в контексте визуальности современной культуры. Визуальные образы современной культуры: уральско-сибирские диалоги Сб. научных статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, 24 апреля 2012 г. Омск: Амфора, 2012. С. 9-19; ISBN 978-5-7779-2026-3.
8. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. Москва:

- Издательство АСТ :CORPUS, 2017. 512 с.; ISBN978-5-17-100624-2;
9. Покровский Н.Е. Границы визуальности и виртуальной реальности: есть ли они? //Человек как субъект и объект медиапсихологии. – Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова // Ин-т человека; Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 764 – 785; ISBN 978-5-211-06224-5.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Илчева Радослава Велчева
доктор филологии, доцент
Институт литературы
Болгарской академии наук
Болгария, г. София
e-mail: rilcheva@abv.bg

Ilcheva Radoslava Velcheva
Associate Professor, PhD.
Institute for Literature,
Bulgarian Academy of Science
Bulgaria, Sofia
e-mail: rilcheva@abv.bg

Р. В. Илчева

А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ И Н.М.КАРАМЗИН (К ИСТОРИИ ТВОРЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ)

Аннотация: В центре внимания – особенности древнерусской темы в художественном творчестве А. А. Бестужева-Марлинского. Свообразным ключом к замыслам автора и их (не)реализации представляется его отношение к «Истории государства российского» Н. М. Карамзина, переросшее в заочный концептуальный спор со знаменитым писателем-историографом.

Ключевые слова: Бестужев-Марлинский, Карамзин, «История государства российского», историческая беллетристика, внутренний цензор.

R.V. Ilcheva

A.A. BESTUZHEV-MARLINSKY AND N.M. KARAMZIN (ON THE HISTORY OF CREATIVE CONFLICT)

Abstract: The focus of this article is the specifics of the medieval Russian themes present in A. A. Bestuzhev-Marlinsky's work. In its own way, his stance towards Nikolay Karamzin's "A History of the Russian State," which led to an indirect conceptual dispute with the famous writer and historiographer, is the key to understanding Marlinsky's ideas and their execution or the lack thereof.

Keywords: Bestuzhev-Marlinsky, Nikolay Karamzin, "A History of the Russian State," historical belletristic literature, inner censor.

Вопрос о взаимоотношениях двух писателей – далеко не их личное дело. И хотя Время, казалось бы, давно расставило свои коррективы, как раз без малого двухвековая дистанция позволяет по-

иному взглянуть на то, что могло пройти мимо современников, показаться им мелочной прихотью таланта или недоразумением случая.

Идея этой статьи подсказана отрывком из одного письма. 22 сентября 1832 г. рядовой Кавказской действующей армии А. А. Бестужев пишет негласному соредктору журнала «Московский телеграф» К. А. Полевому: «Я знал Карамзина хорошо, и, несмотря на заботы его поклонников, решительно отказывался от знакомства с ним. Двуличность в писателе его достоинства казалась мне отвратительною» [15, с.33].

Прокомментируем эту позицию. Начнем с того, кто о ком пишет. В конце 10-ых – начале 20-ых гг. сын известного просветителя и писателя А. Ф. Бестужева, Александр Александрович (1797-1837) – уже популярный литератор. Его симпатии целиком на стороне карамзинистов. В своих критических статьях 1819 г. о переводе П. А. Катениным трагедии Расина «Эсфирь» и о «Липецких водах» А. А. Шаховского он воюет против «заржавевшей славяницы». В 1820 г. становится членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, а затем и Вольного общества любителей российской словесности – т.н. ученой республики.

В указанную эпоху Н. М. Карамзин – общепризнанный авторитет. Родоначальник нового течения в литературе и нового подхода к литературному языку, он пользуется беззаветной преданностью молодых *новаторов* и уважением *архаистов*. Его по праву можно назвать не только отцом русского сентиментализма, но и крестным отцом русского романтизма.

Оба литератора принадлежат к одному и тому же литературному кругу. Напомним хотя бы тот факт, что шурин Карамзина П. А. Вяземский был очень близок к издаваемому Бестужевым и Рылеевым альманаху «Полярная звезда» и горячо приветствовал их обращение к исторической теме: «Взимайте оба дани с предков наших, один стихами, другой прозою, один легкими набегами, другой совершенным овладением всех сокровищ, таящихся под спудом и пустите в ход мертвые капиталы нашей истории»- писал он [17, с.312].

Итак, карамзинист Бестужев решительно и по всей видимости неоднократно отказывается от знакомства с самим Карамзиным! Лет через десять он упрекнет кумира своего поколения в двуличности. Вряд ли критик имел ввиду бесконфликтность Карамзина, воздерживавшегося от журнальных баталий и уступившего защиту своих же идей молодым, негласным предводителем которых был тот же Бестужев.

После 1818 г. Карамзин в восприятии общества не столько писатель-сентименталист, сколько придворный историограф, монархической концепцией которого *молодые якобинцы* были недовольны. Автор «Марфы-посадницы» противоречил автору «Истории государства Российского» (далее по тексту ИГР), литератор и ученый разошлись в своей оценке борьбы вечевой Новгородской республики с Московским царством. Сам же Карамзин намекал на свою если не двуличность, то, по меньшей мере, двойственность, определяя себя как верного поданного монарха и республиканца в душе. Эта двойственность заметна и в его многотомном труде, где зачастую писатель опровергает историка, а добросовестно представленные исторические факты сводят на нет самодержавную идею, как это произошло в знаменитом IX томе. Этим объясняется разнбой в мнениях декабристов, которые критиковали историка и в то же время ценили высоко писателя. Монархическая критика в отношении Карамзина была откровеннее и похлеще: «Негодяй, без которого народ не догадался бы, что между царями есть тираны!»¹

Не останавливаясь на отзывах декабристов на «Историю» Карамзина, которые обстоятельно прокомментировали в свое время несколько поколений русских и советских историков, отметим следующее. Неприятие основ этого труда очевидно следует искать не только в парадигме литературных (сентиментализм – романтизм) и политических (монархия – республика) пристрастий его критиков. Очевидно здесь речь идет о двух типах отношения к истории. Декабристы были романтиками не только в литературе, но и во взглядах на историю, которую воспринимали как результат действий

¹По свидетельству декабриста Н. И. Лорера это высказывание принадлежит Николаю I. [9, с.60].

кучки избранников судьбы, воплотивших блеск и величие эпохи. Да и само их восстание по форме напоминает романтическое произведение: отсутствие четкой программы и всякой конспирации, непродуманная тактика в случае поражения и даже некое ожидание его; манерность и театральность в день самого восстания. Какое поистине разительное отличие от продуманных и скрупулезно осуществленных дворцовых переворотов рационалистического XVIII столетия, как правило успешных! А Карамзин предупреждал о законах истории, показывал неумолимый ход времени.

Интерес Бестужева-Марлинского к российским древностям и старине был глубоким и неподдельным. Он хорошо знал не только памятники древнерусской литературы, но и современные ему сочинения, такие как «Опыт повествования о древностях русских» профессора Харьковского университета Г. Успенского, «Разговоры о древностях новгородских» м.Евгения (Болховитинова), с которым, возможно, был лично знаком по «ученой республике». Можно предположить, что ему были известны многие труды по русской археографии. Во время поездки в Москву в 1823 г. он познакомился с Т. Каченовским, А. Малиновским, С. Нечаевым, К. Калайдовичем. Последний заинтересовал его своими исследованиями². В записной книжке наряду с упоминаниями о посещениях древних московских церквей и монастырей, Архива Иностранной коллегии, о манускриптах Патриаршей библиотеки, которыми «Карамзин пользовался наиболее»; наряду с зарисовками крестов, найденных на поле Куликовом и схемой Московского Кремля, литератор отметит: «Иоанн Ексарх Болгарский – его перевод Богословия Иоанна Дамаскина и Шестоднев, поднесенный Болг. князю Симеону. Принадлежит к 10 веку (началу). Неизвестная доселе и отличная от прочих в многих местах. Должно сожалеть, что никто сим не занимается как должно» [2, л.8 об.]. Сильное впечатление на него произвел и Изборник Святослава, внука Ярослава, по поводу которого он демонстрирует завидную осведомленность: «Перевод в 10-м веке с греческ.языка. По повелению Симеона К.болгарского» [2, л.10 об.].

Можно привести немало примеров подобного отношения к

² Ср.: «3.день. Был у Калайдовича. Читал его пьесы о русском языке» [2, л.6 об].

истории, которое условно назову *исследовательским*. Куда важнее, однако, *литературное* (название тоже условное) восприятие прошлого и его интерпретация, в которой попытаемся выявить «карамзиновский» колорит. Об отношении Бестужева-Марлинского к ИГР можно судить в первую очередь по произведениям, написанным до восстания декабристов. Особый интерес вызывают ранние фрагменты – отрывок из письма к С. В. Савицкой(1818) и отрывок из «Листка из дневника гвардейского офицера». Они любопытны своей синкретичностью – вкраплением поэзии в прозу, прошлого в настоящее. Минувшее в них представлено при помощи воды. Не вдаваясь в глубинные мифопоэтические задатки этого образа, укажем лишь на его фольклорные функции в данных текстах. Живая вода в сказке оживляет мертвого героя, вода при гаданиях является зеркалом будущего. У Бестужева она оживляет прошлое. Мысль о том, как знакомая спешит к Волхову-реке или направляет «утлый челн» к Ладоге уже вызывает воспоминания об Игоре и о былой славе Новгорода [5, с.117-118]. Мультиплицирование воды (ливень на берегу Чудского озера в «Листке из дневника гвардейского офицера») вскрывает иные измерения прошлого, придает ему динамизм хлещущей и хлестаемой воды. Для романтика, воспитанного на Оссиане, стихия становится дверью в историческое прошлое:

Мне ужасы природы милы:
 На лад стихий и бури вой,
 И лишь тогда, расправив крылы,
 По свету реет гений мой.
 Он любит с пламенной мечтой
 В тумане древности носиться,
 И вот она, покинув тлен,
 Былою жизнью оживится,
 И впять течет река времен;
 И снова край отчизны, зрится,
 Богатырями населен.
 И озеро с природой в бое
 Мне кажется поле боевое.
 В жужжанье ветра слышу я

Свист стрел, ломление копья,
 Булата звонкое крушенье
 И ратных клик, и битвы гром,
 И вновь в ударе роковом
 Коней и всадников паденье [5, с.132]

Романтическое отношение к истории сопряжено с пристальным вниманием к фактам. В этом же отрывке, после своеобразного введения представлена предыстория битвы. Сам рассказ выполнен прозой, но динамизм сражения передан стихами. В заключении автор указывает на достоверность описанного им Ледового побоища, ссылаясь на Софийский временник. Он абстрагируется от подробностей, «весьма занимательных для историка и стратегика, но которые не всегда дружат с поэзией» [5, с.140].

Вышеуказанные фрагменты иллюстрируют *поэтическую* и *прозаическую* интерпретации истории, где поэзия передает эмоцию, а проза – фактологию. Примером первого типа отношения к прошлому может послужить одно из малочисленных стихотворений Бестужева на историческую тему – «Михаил Тверской». Своим нравоучительным пафосом оно стыкуется с жанром поэтических дум К.Ф. Рылеева. Замученный в орде тверской князь просит своего сына быть верным правде и чести, но не мстить за него. Молодой князь, однако, при виде растерзанного трупа отца призывает бога мести:

Он внял ему сей сильный бог,
 Россиянам восстать помог
 И снял с лица земли тиранов:
 Их город стал жилищем вранов;
 Иссохли злачные луга,
 Ослабла в брани их рука,
 И, пораженные слугами,
 Они их сделали рабами. [6, с.369]

Историческая проза Бестужева помечена желанием воссоздать дух прошлого и перенести в современность его нравственные уроки. Прозаик отдает должное критерию исторической достоверности, вовсе не обязательному для поэта. Поэтому автор повести «Роман и

Ольга» заверяет читателей, что они могут проверить истинность описанных им событий по главе 2-й V тома ИГР и по указанным уже произведениям м. Евгения Болховитинова и Г. Успенского. Он поясняет, что слова, которые многим покажутся странными, не придуманы им, а взяты из старинных летописей, песен и сказок. Бестужев не отождествляет своего героя с реальным историческим лицом. Родство Романа с посадником Твердиславом скорее художественная, нежели историческая конкретизация – ИГР рассказывает о нескольких героях с таким же именем. Беллетрист не только предупреждает возможные упреки в недостоверности и неисторичности, но и высвобождается из-под опеки карамзиновского авторитета, обеспечивая себе право распоряжаться сюжетом. Создание исторического фона, который бы не зависел от «Истории», но и не противоречил бы ей, является удачным художественным решением. Повествование, с одной стороны, не воспринимается как плод авторской фантазии, а с другой романисту не приходится то и дело ссылаться на труд Карамзина, что наблюдается в произведениях его современников на исторические темы. Показательно, что по примеру Карамзина-историка, Бестужев выносит примечания в конце произведения. Они по сути дела превращаются во фрагментарную историко-этнографическую статью [1, с.71-76] и являются своеобразной попыткой адаптировать научный подход к фактам, имеющий место в ИГР, к художественному произведению.

У Бестужева обнаруживается и схожая с Карамзиным интерпретация понятия долга. Следует припомнить, что, хотя и современники ожидали от писателя, «подстригшегося в историографы» сентиментальный пересказ сюжетов из русской истории, его подход к событиям во многом продиктован установками классицизма. А одна из отличительных черт т.н. гражданского романтизма – это классицистическое понимание долга, которое присутствует и в повести «Роман и Ольга». Герои готовы пожертвовать своими чувствами во имя родины (Роман) или родителей (Ольга).

В 1825 г. в альманахе «Полярная звезда» была отпечатана повесть А.Бестужева «Изменник», в которой события приурочены к эпохе междуцарствия. Детские воспоминания Владимира Ситцкого о

взятии шведами городка Падиса удостоверены и ссылкой под линией: «Это точно случилось в 1580 году. Спасся только один Михаил Ситцкий. См. «Ист.гос.Росс.», т.IX, стр.315» [3, с.693]. Акцент в этом произведении поставлен на проблему изменничества. Кстати, она присутствует и в вышеупомянутой повести «Роман и Ольга». Заключение в тюрьму Роман Ясенский с возмущением отвергает идею остаться на службе у московских князей: «Если б я принял твое предложение, бывши на воле, то я бы стал изменником, но теперь сделался бы презрительным трусом» [4, с.225]. Тема предательства волновала и автора «Истории государства Российского». Вот что он писал о противнике Ивана Грозного – князе Андрее Курбском: «Возложил на себя печать стыда и долг историка вписать знаменитого гражданина в число государственных преступников» [8, с.33-34]. Кстати, развитие этой темы в «Изменнике» предвосхищает один из характерных мотивов в творчестве Лермонтова – мотив вражды двух братьев из-за женщины. Владимир Ситцкий решается на подлость, узнав, что его возлюбленная предпочла младшего брата Михаила.

Не без влияния «Истории» Карамзина создавался и рассказ Бестужева «Геден». Сквозь критику продажности бояр и осуждение деспотизма Грозного героем XVI века проступают черты декабриста XIX столетия. Но дело здесь в другом. Литературный персонаж носит фамилию... автора – Геден Бестужев. Это очень любопытный момент рецепции «Истории» в декабристских кругах, который не раз давал повод к спекуляциям разного рода. В сочинении Карамзина неоднократно встречаются фамилии, перешедшие из летописей в общественный быт XIX в.: Баратынский (Борятинский), Бобрищев-Пушкин, Волконский, Голицын, Оболенский, Одоевский, Трубецкой и т.н. Напомним, что многие декабристы были потомками старинных родов, игравших немаловажную роль в русской истории. К примеру, поэт А. И. Одоевский вел свое родословие от черниговских князей, родоначальником которых был один из сыновей Ярослава Мудрого – Святослав³. Вопрос о родовой памяти, сильно выраженной у

³ Современник событий Н. И. Греч отмечал, что в «числе заговорщиков и их сообщников не было ни одного недворянина, ни одного купца, артиста, ремесленника или выслужившегося офицера, или чиновника. Все потомки Рюрика,

декабристской элиты, очень интересен. Даже те, кто не мог похвалиться документированным старинным родословием, как Александр Бестужев, «находили» своих предков в роковые для России эпохи. Впрочем, судьба удовлетворила любопытство романтика. В 1828 году государственный преступник А.Бестужев отыскал в Якутске могилу своей дальней родственницы Анны Гавриловны Бестужевой, сосланной в те края Елизаветой Петровной [12, с.240].

Мы подошли к водоразделу декабристского романтизма – к 1825 г., когда «перестали существовать люди 20-ых гг. с их прыгающей походкой» [21]. В день 14 декабря и Бестужев, и Карамзин были на Сенатской площади – по разные стороны баррикад. «Первые два выстрела рассеяли безумцев с «Полярною звездою» – Бестужевым, Рылеевым и достойными их клеветами...Я, мирный историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятежа» [18, с.270] писал спустя 5 дней Карамзин И.И.Дмитриеву. Через две недели он иронизировал: «Оба рыцаря «Полярной звезды» сидят в крепости...» [19, с.413]. Карамзин никогда не узнает, что один из *рыцарей* будет казнен 13 июля 1826 года на кронверке Петропавловской крепости, а другой, первоначально осужденный по первому разряду на смерть, по конфирмации 10 июля 1826 года будет приговорен к каторжным работам на 20 лет, отправлен в Якутск и позже переведен рядовым в Кавказскую действующую армию. Историк скончается в мае того же 1826 года.

Первое произведение, которое Бестужев написал после разгрома восстания – это стихотворная повесть «Андрей, князь Переяславский», сюжет которой, не исключено, подсказан «Историей государства Российского». Авторское предисловие подписано уже не

Гедимины, Чингисхана, по крайней мере бояр и сановников, древних и новых» [7, с.302]. В 10-ых гг. XX в. Д.С.Мережковский видел в восстании декабристов проявление родовых амбиций. Об этом Рылеев говорит: «Вся революция будет восстанием варяжской крови на немецкую, Рюриковичей на Романовых» [11, с.164].

Александром Бестужевым, а Александром *Марлинским*⁴. Хотя поэт использовал еще в 20-ых гг. этот псевдоним (по имени местечка Марли под Петергофом, где был расквартирован его полк), он принесет ему небывалую популярность в 30-ых и превратит его в кумира читающей публики. В некотором роде поэма эта первое произведение новоявленного автора – Марлинского, заявившего себя романтиком «до конца ногтей»: «Нечего и сказывать, что я хотел первую попытку свою вылить в историческую форму...Надобно было просеять пепел русской старины, а, на беду, я жил тогда в чужой земле, без русских книг, даже без русских знакомцев. Перерывая в сумке памяти..., попал я на Андрея, князя Переяславского, проименованного Добрым» [5, с.54].

Это произведение создавалось в крепости «Форт Слава» на территории нынешней Финляндии в поистине драматических условиях. В письме к Николаю Полевому приведенный выше отрывок из предисловия звучит следующим образом: «...У меня не было ни одной книги; написан был жестяным обломком, на котором я зубами сделал расщеп, и на табачной обертке по ночам. Чернилами служил толченый уголь. Можете судить об отделке и вдохновении» [16, с.293]. Неимоверную жажду творчества заключенный пытался утолить именно произведением на историческую тему... Очевидно, это незаконченное сочинение, посвященное младшему сыну Владимира Мономаха, должно было поставить проблемы идеального властителя, обозначить параметры дружбы и предательства и, таким образом, художественно подытожить крушение декабристской мечты.

Интересно, что в ходе журнального обсуждения поэмы, отрывки из которой были опубликованы без знания автора, ни критики, ни читатели не заметили исторических неточностей, на которые позже указывал сам Марлинский. Впрочем, к концу 20-ых годов многочисленные персонажи, выдернутые из ИГР, примелькались в литературных альманахах и журналах и анахронизмы мало кого удивляли, особенно если речь шла о

⁴ Государственному преступнику не сразу было разрешено писать. Позже он мог печататься только под псевдонимом. Обсуждение в печати «Андрея, князя Переяславского» проходило без всякого упоминания об авторе.

незавершенном произведении, повествующем об историческом деятеле «второго эшелона».

Самая компетентный анализ поэмы принадлежит Марлинскому-критику. Он шутя отмечает, что поэма вылезла из его головы «в заржавой старинной кольчуге, только в недошитом кафтане и с носом-недорослем» и признается: «я обул в русские лапти немецкую философию». Наибольшим недостатком произведения он считает отсутствие в нем «этой купности, этого целого, знаменующего физиогномию гениальных произведений» [5, с.56]. Запомним эту мысль.

Конец 20-ых – начало 30-ых гг. стал первым серьезным рубежом для «Истории государства Российского». Тогда появилась научно-методологическая критика: прежние замечания Ходаковского и выходки Каченовского и Арцыбашева не могли поколебать авторитет историка. Впрочем, еще в 1820 г. М.П.Погодин писал, что Россия должна благодарить Карамзина не за «Историю», а за то, что он обогатил литературу драгоценными историческими отрывками [20, с.275]. Позже издаваемый им «Московский Вестник» начал настоящую атаку на историка, объявляя его труд всего-навсего памятником красноречия. Хранителем карамзиновской славы на первое время вызвался быть журнальный оппонент «Московского Вестника» – издаваемый Н.Полевым «Московский Телеграф». Постепенно, однако, защита Карамзина вошла в разрез с собственными взглядами Полевого и он, в свою очередь, тоже стал критиковать карамзиновскую историческую школу. Полевой упрекал ее в отсутствии философского взгляда на события, в эмпиризме, в подчеркивании роли отдельных исторических личностей, в непонимании стихийности исторических законов [10, с.15]. Он считал, что история должна быть историей народа, а не государства и позже отмежевался от Карамзина самим заглавием своего произведения – «История русского народа».

После 1825 г. отношение Бестужева-Марлинского к ИГР отражено не столько в его сочинениях, сколько в его переписке. Мнение литератора двоятся. С одной сторон, для него Карамзин – великий писатель, оказавший благотворное воздействие на русский язык и подаривший России первую историю. Марлинский высоко

ценит и умение историка работать с фактами: «Сметливость его в выборе источников, в сравнении лет и летописей и во здоровой критике подробностей беспримерна». Но у Бестужева иное представление о солидном историческом труде. Его рассуждения представляются очень ценными, поэтому приведем их полностью, тем более, что они, насколько нам известно, до сих пор не опубликованы. «Но у него нет купности (*l'ensemble*) в обзоре; он, увлекаясь лицами, им попеременно изображаемыми, беспрестанно противоречит себе в мнениях. Слишком убежденный в некоторых принятых им системах мыслей и вместе слишком совестный, чтобы переиначивать исторические происшествия, но нередко рассказывает одно и доказывает другое. Одним словом, видно, что он писал лист за листом, не сшивая их единобытным понятием общей судьбы и общих явлений природы обществ; не скрепляя их печатью гения, которой по немногим словам летописей наполняет пустоту творческим взором и возводит в жизнь, точно бывшие, но вовсе до него неизвестные поколения. Историк есть пророк минувшего говорит м. Сталь, и справедливо. Он должен парить над веками – а не с толпой проходить их. Он не может опередить будущего – но не должен отстать от текущего; но всего менее прилагать аршин нашего образования, наших понятий к древности. Это ставит ее на театральные ходули и надевает макиавельскую маску на самые простые деяния. В этом отношении Карамзин не безупречен» [13, лл. 65-65 об].

Не станем разбирать мнение критика – оно достаточно ясно и категорично. Можно предположить, что общность взглядов Марлинского и Н. А. Полевого в отношении принципов показа исторического прошлого стала одним из факторов, способствовавших их плодотворному сотрудничеству. Отметим, однако, что вышеприведенная цитата может служить объяснением одного довольно странного обстоятельства – почти полное отсутствие жанра исторической повести⁵ в позднем творчестве писателя при его одержимости прошлым. А ведь письма Бестужева к родным и близким недвусмысленным образом свидетельствуют о

⁵ Единственным исключением является повесть «Наезды», в которой XVII век служит фоном, но не более.

намерении создать большое историческое произведение на древнерусскую тему, от которого, однако, не сохранились даже черновые наброски. Вряд ли причину следует искать только в личном неудовлетворении поэмой «Андрей, князь Переяславский». По нашему мнению, она заключается в высоких требованиях к исторической беллетристике. Автор уделял большое значение не только общей концепции и философскому взгляду, что видно из процитированного отрывка, но и фактологическому материалу, который подлежит художественной переплавке и шлифовке. Примером такого отношения, как это было уже показано, является ранняя повесть «Роман и Ольга». В ней художественный вымысел естественным способом вытекает из исторических событий, чья достоверность, благодаря умелому использованию авторитетных исторических источников, не вызывает сомнений. В отличие от адъютанта А. Ф. Бетанкура, а позже и принца Александра Виртембергского – блистательного штабс-капитана А. Бестужева, рядовой Кавказской действующей армии А. Марлинский не располагал такой возможностью...

Критическое отношение к Карамзину постепенно перерастает в откровенную неприязнь, что подтверждается письмом к матери от 19 января 1831 года: «Никогда не любил я бабушку Карамзина, человека без всякой философии, который писал свою историю страницу за страницей, не думая о будущей, не справляясь с предыдущей. Он был пустозвон красноречивый, трудолюбивый, мелочный, скрывающий под шумихою сентенций чужих свою собственную ничтожность» [14, с.504]. Жестокие упреки отправлены уже не только историку, но и писателю.

Буря мыслей, которую вызвала ИГР в беспокойной и выстрадавшей душе поэта, подтверждает в очередной раз наблюдение Лотмана, что все критики «Истории» были ее внимательными читателями и что их собственные взгляды строились на ее же фактологическом материале [10, с.12]. Отношение Бестужева-Марлинского к Карамзину и его труду было сложным и неоднозначным. Неприятие историко-философской концепции ИГР сочеталось с пристальным вниманием к ее художественным качествам. Несогласие с Карамзиным-историком отразилось в

высказываниях, а уважение к Карамзину-писателю привело к интересным результатам в произведениях на историческую тему, среди которых выделяется ранняя повесть «Роман и Ольга». В переписке 30-ых гг. заметно желание писателя проложить собственный путь в прошлое, но для этого у него не было под рукой, образно говоря, нужных строительных материалов. Высокие критерии, заданные русской исторической беллетристике «Историей государства Российского» по всей видимости превратили Карамзина в своеобразного внутреннего цензора для Бестужева-Марлинского, чем объясняются некоторые на первый взгляд парадоксальные обстоятельства в его творческой судьбе.

Библиографический список

1. Белоус Р.М. Роль авторского комментария в повестях Бестужева (Марлинского) «Роман и Ольга», «Замок Венден». // Вопросы сюжета и композиции. Межвузовский сборник, Горький, 1978, с.71-76.
2. Бестужев-Марлинский А.А. Записная книжка. В: Архив братьев Бестужевых (Из собрания «Русской старины»), № 12 (5581) –РО ИРЛИ, ф.604.
3. Бестужев-Марлинский А.А. Изменник. В: Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. Москва-Ленинград, Издательство Академии наук СССР, серия Литературные памятники, 1960.
4. Бестужев-Марлинский А.А. Роман и Ольга. Старинная повесть. В: Декабристы. Антология в 2-х томах, Л., 1975, т.2.
5. Бестужев-Марлинский А.А. Собрание стихотворений. М., 1948.
6. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения в 2-х томах. М., 1981, т. 2.
7. Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990.
8. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4-х книгах. М., 1988-1989 (СПб., 1842- 1844), т.IX.
9. Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.
10. Лотман Ю.М. Колумб русской истории. В: Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4-х книгах. М., 1988-1989 (СПб., 1842-1844). кн. IV. Сопроводительные статьи.
11. Мережковский Д.С.» Александр Первый». В: Мережковский Д.С. Собрание сочинений. В 4-х томах. М., 1990, т.3.
12. Письмо А.А.Бестужева к Н. и М. Бестужевым. Якутск, 10 авг.1828. // Русский вестник, т.86, № 5.
13. Письмо А.А.Бестужева к П.М.Бестужевой. Якутск, 25 янв.1829. В: Архив братьев Бестужевых (Из собрания «Русской старины»), № 12

(5581) – РО ИРЛИ, ф.604

14. Письмо А.А.Бестужева к П.М.Бестужевой. Дербент, 19 янв. 1831. // Русский Вестник, т.86,№ 6.
15. Письмо А.А.Бестужева к К.А.Полевому от 22 сент.1832, Дербент. // Русский вестник,март1861.
16. Письмо А.А.Бестужева к Н.А.Полевому. Дербент, 12 февр. 1831. // Русский вестник, март 1861.
17. Письмо П.А.Вяземского А.А.Бестужеву и К.Ф.Рылееву. // Русская старина, 1881, № 11.
18. Письмо Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву от 19 дек. 1825, Петербург. В:Декабристы воспоминаниях современников. М., 1988.
19. Письмо Н. М. Карамзина к И. И .Дмитриеву. Санкт-Петербург, 3 янв.1826. В: Письма Н.М.Карамзина к И.И.Дмитриеву. С примечаниями и указателем, составленным Я.Гротом и П.Пекарским. СПб., 1866.
20. Трубицын Н.Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века (Очерки). СПб., 1912.
21. Тынянов Ю.Н. Смерть Вазир-Мухтара.- [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/t/tynjjanow_j_n/text_0020.shtml(Дата обращения: 25.11.2020).

Филипов Павел Стоилков
доктор, ассистент
Юго-Западный университет им.
Неофита Рильского
Болгария, г. Благоевград
email: p_filip@abv.bg

Filipov Pavel Stiolkov
Phd, assistant
South-West university Neofit Rilski
Bulgeria, Blagoevgrad
email: p_filip@abv.bg

П. С. Филипов

Эмигрант и иммигрант Солженицын

Аннотация: Человек может стать эмигрантом по разным причинам. Причина разлуки Александра Солженицына с родиной была воля, агрессивно навязанная государством. Режим в Советском Союзе не терпел свободного выражения неудобной правды. Очутившись на Западе, осознав утопические измерения и несовершенство демократии, к которой он стремился, свободомыслящий Солженицын, ныне эмигрант, стал откровенным критиком этой политической модели.

Глубокая тоска Солженицына по родине никогда не исчезала. Он не разорвал эмоциональных связей со своей страной, хотя был отвергнут любимой Россией и радушно принят в чужих странах, пройдя через железный занавес. Эта эмоциональная связь, по прошествии времени, вернула его в Россию.

Ключевые слова: эмигрант, иммигрант, русская литература, Солженицын

Filipov Pavel Stiolkov

Solzhenitsyn the Emigrant and Solzhenitsyn the Immigrant

Summary: A person could become an emigrant for various reasons. In Aleksandr Solzhenitsyn's case, the state's aggressively imposed will was the cause for his separation with his homeland. The regime in the Soviet Union would not tolerate the free expression of any inconvenient truth.

In the West, having realized the utopian dimensions and imperfections of the democracy he had longed for, the free-thinking Solzhenitsyn, now an immigrant, became an outspoken critic of this political model, as well.

Solzhenitsyn's deep yearning for his homeland never disappeared. He never broke his emotional connection with his country, although he was overthrown by his beloved Russia and welcomed eagerly in a foreign country beyond the widely open to him Iron Curtain. This emotional connection was what brought him back to his homeland.

Keywords: emigrant, immigrant, russian literature, Solzhenitsyn

Александр Солженицын получил Нобелевскую премию по

литературе в 1970 г., через восемь лет после выхода в свет его первой книги «Один день Ивана Денисовича». Произведение имело быстрый, головокружительный и неожиданный успех. Бытует мнение, что тогдашний лидер СССР Никита Хрущев лично разрешил публикацию рассказа [Андреев 2008]. Хрущев проводил политику развенчания мифов о Сталине, в значительной степени улучшились отношения с деятелями искусства, что предоставило последним возможность более свободного самовыражения. Указанное произведение было удобным для Хрущева – написано неизвестным автором, бывшим узником ГУЛАГа; являлось смелым, новаторским, критиковало систему. Возможно Хрущеву хотелось поднять тему невинно осужденных Сталиным, что, на практике, способствовало бы продвижению идей нового руководителя. Но Хрущева сместили с поста в 1964 г., его место занял Леонид Брежнев, придерживавшийся нового или старого курса стагнации в обществе [Аврейски 2019]. Если бы Солженицын не дебютировал во времена Хрущева, вряд ли бы его повесть вышла бы в свет – со сменой курса его проблемы с властью возобновились.

Вновь избранный руководитель Советского Союза изменил политику по отношению к искусству, Солженицын же остался на своих позициях. Он продолжил критиковать систему как в своих произведениях, так и посредством своей публичной деятельности, что в сложившейся политической обстановке в стране сразу же сделало его неудобным.

В 1965 г. власти провели несколько обысков на его квартире и изъяли значительную часть его архива. Попытки автора опубликовать «В круге первом» и «Раковый корпус» оказались тщетными до 1966 г., когда их все же издали, но за границей. Солженицын отрицал свою причастность к этому и обвинил власть в том, что она вывезла его произведения, чтобы получить основания для его ареста.

В 1967 г. он направил письмо в Союз писателей СССР, что сделало его потенциальным врагом системы – в нем власть обвинялась в создании диктатуры. Два года спустя его исключили из Союза писателей, началась мощная антисолженицынская кампания в СМИ. Государство всерьез занялось не только писателем, но и

общественным деятелем Солженицыным. Существует мнение, что в КГБ создали специальное звено, которое занималось им – девятый отдел пятого управления.

До 1970 г. произведения Солженицына были изданы в двадцати восьми странах. Власти предложили ему уехать из страны, он отказался и вместо этого в Париже вышел «Август четырнадцатого».

В августе 1973 г., после интервью писателя иностранным корреспондентам, была задержана одна из его сотрудниц – Елена Вороньянская. В ходе допроса она сообщила где находится одна из копий «Архипелага ГУЛАГ». По возвращении домой Елена покончила с собой. Солженицын, узнав об этих событиях несколько недель спустя, написал свое письмо вождям, одновременно дав согласие на выход книги на Западе. КГБ предлагает Солженицыну сделку – отказаться от издания произведения взамен на публикацию «Ракового корпуса». Автор на сделку не пошел.

В начале 1974 г. лично Андропов предложил выдворить Солженицына из СССР, в результате чего 12.02.1974 г. писателя арестовали и обвинили в госизмене. На следующий день его выдворили из страны, отправив в ФРГ. День спустя специальным распоряжением его произведения изъяли из книжных магазинов и библиотек. За некоторое время до этих событий Солженицын написал эссе «Не жить во лжи», спрятал его тайнике и попросил родных распространить в случае своего ареста. Во время пребывания автора в Западной Европе эссе распространяется в СССР. Принято считать, что архивы и боевые награды Солженицына были тайно вывезены за рубеж военным атташе США Уильямом Одом.

Превращение Солженицына в эмигранта, его переезд на Запад, не являлось его решением, а было политическим и принудительным решением, продиктованным творческой деятельностью писателя. «Архипалаг ГУЛАГ» оказалось каплей, которая переполнила чашу, став катализатором для действий советских властей [Милетич 2013].

Иммигранта Солженицын приняли на Западе радушно. Пока он жил и работал в Советском Союзе и критиковал систему, западная пресса защищала его, в особенности в 1973 г., когда конфликт писателя с государством набирал силу. В поисках поддержки на Западе он издал «Август четырнадцатого», «Архипелаг ГУЛАГ»; там

увидели свет «Раковый корпус» и «В круге первом». В дальнейшем Запад принял его, что позволило писателю осуществить множество поездок. Он побывал в США, Канаде, Великобритании, Франции [Радинова 2002]. При этом уже в то время стали заметны его антизападные настроения. В одном из своих интервью, данном в Испании, он заявил, что стране не следует спешить с введением демократических перемен, потому что они могут превратиться в тоталитарные, косвенно поддержал режим Франко.

Постепенно иммигрант Солженицын стал превращаться в лицо, неудобное для Западного мира подобно тому, как эмигрант Солженицын был неудобен для Восточного. Он не нашел общего языка с третьей волной русской эмиграции; Сахаров и Рой Медведев раскритиковали его письмо советским лидерам, так как, по их мнению, в нем имелись опасные заблуждения и проповедовались националистические идеи. В то время Солженицын получил ведущую позицию в издательстве ИМКА-PRESS, заняв место Ивана Морозова, руководившего издательством на протяжении тридцати лет. Отношения писателя с западной прессой стали ухудшаться, начались критики в его адрес.

Переезд Солженицына в САЩ – новый этап, который все же не изменил его жизнь. Редко выступал в СМИ, критиковал советскую систему и американскую реальность, за что был обвинен американской прессой в неблагодарности. В 1976 г. Солженицын опубликовал письмо президенту Джеральду Форду под названием «Предупреждение Западу 1976 г.», в котором отметил, что демократия не может являться универсальной системой, определяющей образ жизни во всех странах. Он утверждал, что, если ввести демократию в Россию, она подвергнется разложению и погибнет. К этому стремятся определенные люди, бывшие советские граждане и иностранцы, которые хотят видеть Россию слабой и бессильной. В том же году, в своем выступлении в Гуверовском институте в Стэнфорде, писатель обратил особое внимание на то, что Западу Россию не понять. Виноватой в этом оказалась русская политическая эмиграция, которая стремилась создать искаженное и нереальное представление о России, искаженную, непропорциональную и предвзятую картину нескольких столетий

русской истории. Когда писатель получил приглашение прочитать лекцию в Гарварде по поводу присуждения ему почетной степени, он заявил, что не может рекомендовать своей стране тогдашнюю модель Запада. Магдалена Панайотова по этому поводу пишет «И вопреки этому он был чужим для всех: консерваторы считали его либералом, либералы – реакционером. Коммунисты – врагом, а антикоммунисты – компромиссной фигурой» [Костова-Панайотова 2009: 2].

Солженицын – человек искусства, оно же не всегда удобно; нужно помнить, что искусство – это искренний акт, оно выше политиков и режимов, так как их век короткий, а оно вечно. Роль писателя не состоит в конформизме, а в покорении внутреннего мира людей, в даровании эстетического наслаждения. Политики, режимы, преследуют свои цели и иногда готовы добиваться их, не стесняясь в выборе средств и примеров тому множество. Сила Солженицына в его слове. В СССР пытались его заглушить, заставить замолчать, на Западе же критиковали. Эта сила слова раздражала систему, но она была полезна для общества – она не обманывала, а несла истину, указывала на ошибки системы.

Советская система первоначально приняла писателя Солженицына, затем он стал неудобным, и, в конце концов, эта система превратила его в эмигранта. Запад, в свою очередь, принял его радушно – Александр Исаевич был самым известным иммигрантом. Затем критиковал, и, наконец, писатель оставил Запад, вернулся в Россию. Проживая в СССР, Западной Европе, США и снова в России, Солженицын полностью обогнул земной шар. Этот маршрут позволил ему обогатить обе системы, не одобряя при этом какую-либо из них.

Солженицын превратился в хорошего эмигранта для СССР и в плохого иммигранта для Западной Европы и США. Хорошим эмигрантом для СССР, потому что государство освободилось от одной раны, которая не зарастала, а непрерывно кровоточила. Он продолжает писать произведения, выхода в свет которых эта система не желает допустить. Поэтому она пыталась, посредством цензуры, заглушить голос писателя; вопреки этому Солженицын находил способ писать и публиковать – но уже на Западе. Там к нему прислушивались, его слово стало взрывным, он становится опасным.

Но, будучи уже весьма популярным, его нельзя было заново отправить в заточение; поэтому государство предпочло изгнать его, рассчитывая, что чем дальше он будет находиться, тем меньше вреда будет причинять.

Писатель стал для Западного мира плохим иммигрантом, потому что, в известной степени, он разочаровал западные общества. Их ожидания, по всей вероятности, сводились к тому, что, подвергая хулам коммунизм, Солженицын с открытыми объятиями примет демократию, как высшую идею развития общества. Однако в тот момент, когда русский писатель начал критиковать и западную модель и утверждать, что он не рекомендовал бы демократию как форму развития человечества, он, само собой, настроил СМИ, общественное мнение и систему в целом против себя. Западному обществу присуще самочувствие что оно совершенно, и, когда некий человек, при том русский по национальности, говорит, что оно совсем не является таковым, то эта цивилизация чувствует себя ущемленной и под угрозой. Слушания в Сенате США о произведении писателя «Август четырнадцатого» это доказывают.

В своей прозе Солженицын не атакует Запад, он критикует порядки, законы, образ жизни и мышления в СССР. Вопреки этому, в 1985 г. в Сенате США по поводу книги «Август четырнадцатого» состоялись слушания, поводом которых стал ее антисемитизм. При этом, по утверждениям автора, никто из сенаторов не прочитал книгу полностью, потому что переводчики перевели лишь отрывки из нее. Обвинение в антисемитизме, как нам видится, теряет свою остроту в связи с тем, что у отца писателя были еврейские корни. Также следует упомянуть работу Солженицына над произведением «Двести лет вместе», посвященному сожительству русских и евреев.

Как иммигрант Солженицын интересуется жизнью на своей родине – на протяжении десяти лет он получал журнал «22», издаваемый в Израиле на русском языке двадцатью двумя эмигрантами из СССР.

Солженицын никогда не превратился в западного или американского писателя, напротив, он остался русским писателем, его произведения повествуют о России и ее жизни. После возвращения на родину он продолжил атаки на западный мир, по его

мнению, НАТО и западная цивилизация затягивают удавку около России; Солженицын приветствовал сближение России с Китаем и исламским миром.

Библиографический список

1. Аврейски Н. Солженицын като идеолог на посткомунистическа Русия. URL: <<https://www.geopolitica.eu>>.
2. Андреев Г. Александр Солженицын – от дисидент до неудобен патриарх. // URL: <<https://www.e-vestnik.bg>>
3. Костова-Панайотова М. Меч, наточен срещу нечистата сила. URL: <<https://www.LiterNet.bg>> .
4. Милетич Н. Преди 40 години Солженицын разкрива пред Запада истината за «Архипелаг ГУЛАГ». URL: <<https://www.e-vestnik.bg>> 12.03.2020.
5. Радинова В. Проблемът Солженицын – на 80 години. URL: <<https://www.LiterNet.bg>> 14.03.2020.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Аврамова Валентина Николова
Доктор филологии, профессор
Шуменский университет
Им. Епископа Константина
Преславского
Болгария, г. Шумен
e-mail: valentav@abv.bg

Avramova Valentina Nikolova
Professor, Ph.D.
Konstantin Preslavski University
Bulgaria, Shumen
e-mail: valentav@abv.bg

В. Н. Аврамова

Время в национальной ментальности

Аннотация: В статье исследуется лингвистическое отображение философского понятия времени на материале болгарского языка с отсылкой на русский и некоторые европейские языки. Анализу подвергаются названия различных частей суток, их прямое и метафорическое значения в национальном сознании. Обращается внимание на метафорическое переосмысление некоторых отрезков времени в обыденном сознании людей.

Ключевые слова: ден, утро, обед, вечер, ночь, доба, миг.

V. N. Avramova

Time in the national mentality

Abstract: The article studies the philosophical concept of time in the linguistic aspect on the material of the Bulgarian and Russian languages with links to some European languages. The names of different parts of the day and their direct and metaphorical meaning in the national consciousness are analyzed. Attention is paid to the metaphorical reinterpretation of the concepts of time in the minds of native speakers.

Keywords: day, morning, noon, evening, night, doba, instant.

Время, наряду с пространством, – это одна из форм восприятия, возникновения, становления, течения и разрушения явлений бытия.

Время связано с установлением причинной связи между прошлым, настоящим и будущим. Изучением времени занимаются многие точные и гуманитарные науки.

«Абсолютное, истинное, математическое время само по себе и по самой сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и иначе называется длительностью. Относительное, кажущееся или обыденное время есть или точная, или изменчивая, постигаемая чувствами, внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения мера продолжительности, употребляемая в обычной жизни вместо истинного математического времени, как-то: час, день, месяц, год» [Ньютон И. Математические начала натуральной философии. Пг., 1915-1916, с. 30 – цит. по: Степанов 2004: 5, с. 232-233].

Философское определение времени связывает время с человеческим сознанием, без осознания человеком нет времени: время (Zeit) – это внутренне воспринимаемый человеческим сознанием образ изменения: возникновения, совершения, протекания, перехода в мире, все это вместе с содержанием в них. Время – это «основная (наряду с пространством) форма существования материи, заключающаяся в закономерной координации сменяющих друг друга явлений. Оно существует объективно и неразрывно связано с движущейся материей» [БСЭ, с. 434-435]. Временные характеристики определяются как «моменты», в которые происходят явления, продолжительности (длительности) процессов» [2, с. 117].

Описывая национальную картину мира, исследователи обращаются к неким представлениям о мире, свойственным носителям данной культуры и воспринимаемым ими как нечто самоочевидное. «С одной стороны, в языке находят отражение те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующейся этим языком; с другой стороны, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры» [20].

Принадлежность болгар к славянскому миру, разумеется, предполагает общность видения мира славянами, но наличие

протоболгарского этнического элемента придает дополнительные нюансы многим сторонам жизни болгар, а отсюда и их ментальности и менталитету. При этом следует учитывать различия, например, в менталитете северных и южных славян, факт, который объясняет, по мнению специалистов, одну существенную особенность этнической и национальной истории балканских славян, так или иначе влияющей на ментальные установки, а именно, слабые центростремительные тенденции в истории южных славян, что позволяет в какой-то степени объяснить формирование новых специфических образований, процесс, свидетелями которого мы являемся. Балканы, будучи одним из центров европейской цивилизации, для предков южных славян являются сферой активного воздействия византийской культуры, носителями которой были не только греки, но и представители иных народов. По словам Ю.М.Лотмана, «пространство между Балканами и Северной Африкой, Ближний и Средний Восток, побережье Черного и Средиземного морей» – это «котел постоянного смешения этносов, непрерывного перемещения, столкновения разных культурно-семиотических структур» [10]. Этот факт усложняет восприятие, понимание мира и его закрепление в стереотипах болгарской ментальности.

Кроме того, существует понятие *балканская модель мира*, которому посвящено значительное количество исследований [19; 6; 23 ; 25; 26; и др.]. Описание балканской картины мира осложняется рядом объективных причин, имеющих различную основу. «Балканское пространство (...) задает ту матрицу, в соответствии с которой штамповался «балканский» модус жизни – особенности расселения человека, организации социума, занятий, сфер, духа» [17].

Формирование болгарской картины мира предполагает совокупное участие нескольких сфер – геофизической, природно-экологической, биоантропологической, культурно-исторической. Антропоцентрический подход, применяемый при анализе лингвокультурологического материала, позволяет рассматривать человека в качестве точки отсчета в концептуализации мира.

В лингвистике изучению времени и временных отношений посвящено немало исследований различного характера: с позиции грамматики [5; 12; 18; и др.], в том числе функциональной

грамматики [8 и др.], семантики [4; 11; и др.], психосемантики [13; и др.], исследуется время дискурса [9; и др.], а также некоторые связанные с временем явления с применением антропоцентрического подхода [22; 20; и др.]. С позиции лингвокультурологии интерес представляет то время, которое, по свидетельству Е. С. Яковлевой, О. Дюкро и Ц. Тодоров [24] классифицируется как «психологический феномен и носит название *lived time* – время жизни, плана существования, переживаемое и проживаемое время» [22, с. 85]. «Время жизни» (переживаемое время) тесно связано с национальным менталитетом, если не во всех, то во многих ипостасях, в которых оно проявляется, ибо «человек не рождается с чувством времени, его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит» [7, с. 84].

В языковом сознании человека *время* воспринимается как длительность существования всего происходящего в бытии, измеряемая секундами, минутами, днями, годами и т.п. Обозначения времени в языке основаны на пространственной метафоре, (ср. «выражения, описывающие изменения времени <...> иначе как метафорически описать нельзя» [1, с. 462]). Ведь пространственная ориентация мира онтологически предшествует его временному восприятию, ср., напр. болг. *времето тече, чертае, минава (неусетно), върви (бавно, бързо), изнизва се, губя си времето*; рус. *время идет, летит, тянется, терпит, не ждет*; фр. *le temps coule, vole, passe*; англ. *the time presses, the time has arrived/is ripe(for), the time goes by, the time is getting on*, ит. *il tempo passa lentamente* ('время идет медленно'), *il tempo stringe (preme, incalza)* ('время не ждет, прижимает').

Ориентируясь во времени, человек воспринимает его как время циклическое и как время линейное. Циклическое время характеризуется последовательностью однотипных событий, «жизненных кругов», вращением по кругу – это представление о времени характеризует архаические цивилизации [10], в их мирозерцании отсутствуют идеи «начала» и «конца», например, «индуское» сознание или представление движения истории как круговорот, характерное и для древнегреческого мирозерцания. С появлением христианства человеческое сознание познало идеи

развития, идеи начала и конца: «Порвав с циклизмом языческого мирозерцания, христианство восприняло из Ветхого завета переживания времени как эсхатологического процесса, напряженного ожидания великого события, разрешающего историю, – пришествия Мессии» [7, с.9]. Модель мира современного человека, однако, не строится на основании только линейности или только цикличности времени: в его сознании соединяются характеристики этих двух типов восприятия времени. Мифологическая модель времени, например, является дихотомической – «начальное время/эмпирическое время», имеющее линейный характер, дополняется циклической моделью времени. В современном болгарском сознании превалирует идея христианского понимания о линейности времени, его невозвратимости, неповторимости, необратимости событий в жизни, идея, выраженная в ряде устойчивых сочетаний, напр., *Изгубеното време никога не се връща; Времето, каквото отнесе, назад го не връща; Времето хвърка и никога не се завръща; Времето хвърчи, не се стига; Времето човека не чака, човек чака времето*. В языке поэзии время принимает неожиданные метафорические воплощения, напр. *Магесника враждебен, / Времето ни дебне; в лабиринт вълшебен / Времето ни гони, – тъмна суета!* (Д.Дебелянов)

Метафорическое переосмысление некоторых наименований отрезков времени можно определить как универсальный процесс – во многих культурах такие названия как *день, время* употребляются в значении ‘жизнь’. В болгарском языке сочетание с лексемой *ден* в форме ед.ч. употребляется в значении ‘хорошая, счастливая жизнь’: *виждам бял/благ ден*, и с отрицанием глагола в значении ‘тяжелая, безрадостная жизнь’: *не виждам бял ден*. Ср. сочетания с этой же лексемой в других лингвокультурах: фр. *donner le jour* (букв. ‘дать день’ – дать жизнь, родить), *ravir le jour* (букв. ‘отнять день’ – отнять жизнь), ит. *ha i giorni contati* (‘его дни сочтены’). Значения ‘тяжелая, трудная жизнь’ и ‘приближаться к концу жизни’ имеет *ден* в форме мн.ч.: *черни дни, имам още дни, дните ми са преброени, скъсват ми се дните; О, дни, де свършва вашият път, / де тъй в безумна надпревара?* (Д.Дебелянов) (ср. в русском языке *дни сочтены, идти к закату дней, до конца дней*).

В некоторых сочетаниях *време* осмысливается как часть жизни, притом отнюдь не молодые годы, *време* маркирует зрелый и пожилой возраст в жизни человека, ср. *до едно време (ми се иска да правя нещо)* ‘до определенного возраста’, *отживявам си времето, минава ми времето* ‘молодость уходит, а вместе с ней и силы человека’. В данном употреблении движение времени ограничивается каким-либо одним периодом, циклом, характеризующим отдельного индивида и являющимся уникальным только для этого индивида. Очевидно, в этом случае сохранилось древнейшее восприятие цикличности времени, ср. *Неведа черна заслони / бездънното небе на мойто Време / и то ми праца днес ноци и дни, / които само Тя ще ми отнеме* (Д.Дебелянов) – цикличность индивидуальная, конец которой ставит смерть – *Тя*.

В болгарском языковом сознании роль маркера *жизнь* могут выполнять также лексемы *пладне* и *ночь* (или ее синонимы *мрак*, *темнота*), напр. *Сега преваляше неговото пладне, много от пътя бе извървян. Той бе познал възходите и паденията на собствения си дух, бе опознал страданието* (Ем.Манов), *Под ноц тикви цъфтят* – диалектное выражение употребляется по отношению к пожилому человеку, который все еще трудится. Болгарскому языковому сознанию также не чуждо восприятие возрастных этапов жизни, которые определяются названиями частей суток – *утро*, *полдень*, *ночь*. Расчленяя жизнь индивида, они мыслятся как вместилища событий, переживаний, эмоций, воспоминаний, ср. *Спомни си как препускаше дива и побесняла / в ранното утро по равното като хала. / Но сега е обед. Сега е горецо и стръмно. / Дръж се, любов! Дръж се, има време да стане тъмно* (Н.Йорданов).

Е. С. Яковлева высказывает мнение о том, что концептуализация времени по параметру «качество» имеет много общего в языковом мышлении славян и «поэтому сопоставления в рамках славянской группы языков представляются менее интересными» [21, с. 195], хотя признает, что близость славянских языков таит в себе и трудности при анализе материала. Близость славянского типа мышления, разумеется, не исключает возможности проявления национально-специфического восприятия мира. Результаты анализа материала доказывают правоту этого

утверждения.

В смысловом наполнении и употреблении лексем *миг*, *мигновение*, *момент*, *минута*, *секунда* наблюдается некоторая специфика, характерная для болгарского языкового сознания.

Синонимичность рассматриваемых слов [14, т. 9, с. 415, с.486, с.639] не всегда поддерживается текстом: в некоторых случаях слова данной ЛСГ могут быть взаимозаменяемыми, например, *размисли един миг (момент, една секунда, минута), нито за минута (миг, секунда, момент) не съм се съмнявал, остана за минута (секунда, миг, минута) вън*, но в других текстах глагол однократного действия ограничивает возможность замены, например, *Пламъкът трепна за миг (за секунда, за момент, но *за минута) и изчезна, като че някой го дръпна назад, Двамата съпрузи се погледнаха за момент (миг, секунда, но *за минута) равнодушно и отчуждено* (Д. Ангелов).

Если составить микропарадигму кратковременности действия, представляющую лексемы данной ЛСГ, то она имела бы следующий вид: *секунда – миг, мигновение* (книж.) – *момент – минута*. *Секунда, миг, мигновение* взаимозаменяемы, хотя *мигновение* имеет стилистически ограниченное употребление (*Ни мигновение покой и мира – / вървим, що значат път и брода?* (П. Яворов): (1) *трепна за миг (секунда)*, (2) *мигове (секунди) след това ме повикаха*, (3) *от мига (секундата), в който излязох*, (4) *Това трая мигове (секунди, минути), които му се сториха безкрайни* (П. Вежинов); в (2) и (4) возможно употребление слова *минута*, но отсутствует значение кратковременности, характерное для значений *миг* и *секунда*. *Момент* содержит идею времени, не столь кратковременного, как в *миг* и *секунда*, но менее ограниченного по характеру продолжительности, чем *минута*, ср. *Извинявай, но в момента съм много заета и не мога да ти обърна внимание, Сега беше дошел удобен момент да направи това*. (Д. Димов). Здесь наблюдается невозможность замены лексемы *момент* синонимом. Ср. также логическое следование маркеров различной кратковременности в следующем тексте: *В смущението си изтървах удобния момент да разгледам добре непознатия, който идеше насреща ми... Достатъчен се оказа обаче само някакъв миг, за да се проясни съзнанието ми* (К. Георгиев). Перестановка лексем *момент* и *миг*

невозможна. Находясь между двумя различными показателями кратковременности, *момент* может взаимно заменяться лексемами, выражающими эти показатели. Например: *Корпусът на парахода така силно заскърца, сякаш всеки момент (миг, секунда) ще се разглови* (Г. Белев). *След минута (миг, секунда, момент) той нагази в храсталака в дъното на дола* (Ив. Вазов). Среди рассматриваемых лексем *минута* содержит значение ‘наибольшая продолжительность’, и поэтому во многих текстах не терпит замены синонимами. *Минута* не только «растянута» во времени, это время заполнено событием, значительным для индивида или требующим больше времени. Срв. *И настъпи още по-тежка минута, когато се свърши четенето на имената* (К. Величков); *Никога през живота си не бе отделял и минута за тоалета си* (Д.Калфов). *Минута*, также как и любое обозначение отрезка времени может иметь и метонимическое значение отрезка действительности, заполненного событием. Срв. *и голос 13-ого года* (Ахматова, ‘из эпохи 13-ого года’), ... *в определенном смысле XIX века Западе еще продолжается* (Бродский, ‘социальные структуры, характерные для XIX века, на Западе сохранились’) [примеры из: 11, с. 722], англ. *office hours* (‘рабочее время’), *dead hours* (‘глухая ночь, глухая пора’), *Zero hour* (перен. ‘решительный час’), фр. *le grand siècle* (век Людовика XIV), *en temps de paix* (‘в мирное время, когда не было войны’).

В употреблении этих слов присутствует не только количественная характеристика времени, но также и субъективное восприятие индивидом происходящего. Срв. например, оксюморонные сочетания в следующих текстах: *Какво избирам – кратка вечност? / Не знам... или безкраен миг?* (Н.Йорданов); *Тази любов е в безкрая единствена. / Миг като вечност* (Г.Константинов). Реальное обозначение кратковременности события и восприятие субъекта могут не соответствовать друг другу. Срв. (1) *В секунда, равна на година, / напразно чакам послеслов... / Преди да дойде си замина / несподелената любов* (Г.Константинов); (2) *За един миг Македонски мина през двора* (Ив.Вазов) – в *секунде* (1) содержится продолжительное ожидание, и вряд ли в один *миг* (2) можно пройти через двор – напряженность ситуации обостряет восприятие.

В болгарском языковом сознании членение суток (*денонощие*)

было очень тесно связанным с распорядком рабочего дня в деревне и связанными с ним действиями. Хотя некоторые из этих обозначений не являются актуальными для современного образа жизни, основные названия частей суток и их предназначение практически остались такими же и по сей день. Сутки во всех культурах делятся на *день* и *ночь* (*ден* и *нощ*). *День* определяется астрономически как часть суток от восхода до захода солнца, как время, когда светло; *ночь* – часть суток, время от захода до восхода солнца, время мрака, темноты. Кроме того, *день* определяется как время, отведенное для совершения каких-либо занятий, время, предназначенное для работы, а *ночь* предназначена для отдыха. Таинственность, порожденная темнотой и приведшая к появлению предрассудков и народных поверий, стала причиной для появления в языке устойчивых метафорических и метонимических сочетаний с опорным словом *ночь* в большинстве своей с негативной семантикой, например, *ночная бабочка*, *нощна пеперуда*, *night-bird*, *night-hawk* ‘проститутка’, *нощ на робството*, ‘ночь рабства’, *нощна птица*, *нощно пиле*, *ночная птица* ‘гуляка-полуночник, гулена; тот, кто работает, занимается ночью’, *night-cellar* ‘сомнительный кабак’, *la nuit des temps* ‘беспросветное Средневековье’, *нощта на ден прави* ‘превращать ночь в день’.

В болгарском языковом сознании словосочетания *първи*, *втори*, *трети петли* являются предвестниками утра, а значит, и начала рабочего дня. Эту часть суток в народе называют еще *петляно време* (‘время петухов’) – это время локализуется примерно с трех до пяти часов утра. С этим временем связаны и метафорические сочетания, бытующие в разговорной речи, например, *ставам с петлите* ‘вставать очень рано, когда еще темно’, *стояхме до втори петли* ‘провести время дома или в гостях почти до утра’. Пение петухов готовит людей к наступлению утра – началу рабочего дня. Переход между ночью и днем, мраком и светом, между периодами *трети петли* и *утро* в болгарском языковом сознании происходит постепенно. Энантисемичное *зрач* и его синонимы *зрачевина*, *зрачина*, *сумрак* обозначают время до утра, до восхода солнца (а *зрач* – и время к вечеру, после захода солнца), когда на горизонте еще нет зари, но воздух начал светлеть (а вечером, когда ночь еще не спустилась). В период времени *дрезгавина* уже ощущается слабый

свет, *полумрак*, слово тоже отличается энантиосемичностью Срв. *Най-после в бялата стая проникна бавно утринната дрезгавина, светлината на лампата стана съвсем печална и жълта.* (П.Вежинов); *Вечерната дрезгавина бавно се спущаше над града, по улиците хората изглеждаха като сенки.* (М.Кремен). Иуже *съмва се, развиделява се* ‘начинает светать’, но солнца еще не видно. *Зора* (румяный свет на горизонте) символизирует рассвет, восход солнца, ср. *Чрез съдействието на приятели, ..., той излезе от Шумен още по тъмно, преди зори.* (Ив.Вазов); *Ще видим, щом се пукне зора, как всеки цвят ще се отърси, ще трепне всяко листо* (П.Тодоров). В узусе употребительно оксюморонное сочетание *тъмни зори*, имеющее значение ‘очень рано’. Например:

Всяка заран, още в тъмни зори, бай Младен грабваше рибарския прът ... и слизаше долу на брега (Д.Калфов); *Открай до край, докъдето ти око види, се люлеят златни ниви и морни работници се мяркат там от тъмни зори* (Ел.Пелин).

Синонимический ряд *утро, сутрин, утрин* (поэт.), *заран* (разг.), *отзаран* (диал.) имеет ряд отличий в концептуализации значения слова *утро* в «болгарском», «русском» и «западном» видении мира, несмотря на наличие более или менее точных эквивалентов в этих языках (например, для слова *утро* – рус. *утро*, англ. *morning*, фр. *matin*, нем. *Morgen* и т.д.). По данным словарей в болгарском языке все указанные слова в одном из своих значений семантически эквивалентны – ‘начало дня, первые часы дня’, но в узусе они не всегда взаимозаменяемы. Например, в тексте *Светло утро, ти прокуди / всяка пара и мъгла.* (Н.Лилиев) невозможно употребление лексем *сутрин* и *заран*, так как *утро* характеризуется меньшей протяженностью во времени, чем указанные два слова; в понятии *утро* локализуется точно определенный момент начала дня, после которого следует *сутрин*. *Утро* не заполнено событиями, *утро* – это символ, поэтому лексема может быть употреблена метафорически (ср. *в утрото на светла ера / с факела на нова вера* (Хр.Смирненски), но не **в сутринта*). Итак, *сутрин* продолжает день и длится приблизительно до 10-ти (11-ти) часов, но эта часть суток может быть «растянута» во времени. Срв. *Станахме в 4 часа сутринта и тръгнахме*, т.е. в четыре часа после полуночи, (но в 3

часа – это еще *през нощта* ‘в 3 часа ночью’); Срв. в английском и французском языках *one, two in the morning, une heure, deux heures du matin* [20, с.58] ; *Цяла сутрин го чаках, но той не дойде*, т.е. возможно, что эта часть суток *сутрин* длилась до обеда, до 12-ти часов пополудни – в данном контексте отсутствует отрезок времени до наступления света.

Светлая часть дня до 12 часов (пополудни) в болгарском сознании идентифицируется как *предиобед*, а после 12 часов – как *следобед*. Так, рабочее время учреждений, магазинов и т.п. обозначается как *от 10 до 12 предиобед* и *от 14 до 18 следобед*. Срв. в русском представлении: врач принимает *с 10-ти утра до 2-х часов дня* и *с 3-х часов дня до 6-ти вечера* [20, с. 60]. В программе научных конференций в русском узусе: *утреннее заседание* (заседание до обеденного перерыва – с 13 до 14 или с 14 до 15 часов) и *вечернее заседание* (заседание после обеденного перерыва). В болгарском представлении эти заседания определяются как *предиобедно заседание* и *следобедно заседание*. Срв. фр. *séance du matin* и *séance de l'après-midi*.

Обед, с фонетическим вариантом *обяд*, локализуется во времени в середине дня, примерно с 12-ти до 14-ти часов. Это время, отведенное для обеда; в разговорном языке употребляется слово *пладне*. Например, *У нас дойде ли пладне – сядат да обядват* (Ал. Константинов).

В такой части суток, как *следобед*, охватывающей время с середины дня до вечера, выделяются два периода, бытующих в сельских местностях и по сей день – это *икиндия* и *ракиено време*. *Икиндия* (тур. *ikindi*) – это время до захода солнца; обычно тогда заканчиваются крестьянские работы в поле. Срв. *Не остава нищо друго, освен да намериш някоя дебела сянка край реката или някое изворче, да полегнеш, ... и в таквоз приятно положение да дочакаш икиндия, когато вечерната хладовина надвива на слънчевите лъчи* (Хр.Максимов). *Ракиено време* наступает после усердной дневной работы, когда уже можно отдохнуть и расслабиться за рюмкой ракии. Выражение употребляется как приглашение к окончанию работы. Срв. *Дойде ракиено време, хайде да свършваме*.

До наступления вечера в болгарском восприятии времени

выделяются периоды, предшествующие вечеру и являющиеся временными отрезками суток – *привечер* и *надвечер*, которые не во всех случаях взаимозаменяемы. *Привечер* – это время, когда подходит вечер, предвечерняя пора: (1) *Над дворища и градини припада тиха и спокойна лятна привечер* (Г.Караславов). *Надвечер* определяет время непосредственно перед наступлением вечера; это время воспринимается неоднозначно по отношению к оппозиции «свет-мрак», например, (2) *Вълко пристигна в Къзъклизе надвечер. Слънцето не беше се скрило и из селото нямаше много хора* (К.Петканов); (3) *Тие се криели през целия ден в лозята и надвечер, като се стъмни, доведе ги при нас един пъдарин* (З.Стоянов). *Надвечер* указывает на какой-либо короткий отрезок времени, и поэтому может называть различное время в наступлении вечера (до захода и после захода солнца). Такая же энантиосемичность содержится и в синонимических слову *надвечер* словах *мръкване*, *мръкнало*, диалектных по происхождению, но весьма употребительных в разговорной речи и нашедших место в письменной речи. Например: *В местата, където повърхността на Земята излиза от собствената сянка, настъпва развиделяване – ден, а на местата, които влизат в земната сянка настъпва мръкване или нощ* (Г.Томалевски); *Преди мръкнало ще дойде Хасан паша, може да надзърне и в яхъра* (В.Мутафчиева). *Привечер*, очевидно, называет отрезок, более продолжительный во времени, и поэтому употребляется в контекстах, в которых содержится отсылка к некоторой продолжительной ситуации или в которых описывается некоторый временной застой. Срв. *спусна се/настана/падна/ тиха привечер*. Этим объясняется невозможность его замены квазисинонимом в (1).

Вечер, в противопоставлении *утру*, определяется как часть суток от захода солнца до наступления ночи. Граница между *вечером* и *ночью* является неточной, зыбкой, поэтому вечер может плавно перейти в ночь. Срв. *Да се завърнеш в бащината къща, / когато вечерта смирено гасне / и тихи пазви тиха нощ разгръща / да приласкае скръбни и нещастни* (Д. Дебелянов). Но никак не может продолжаться дольше 11-ти часов вечера; в таких случаях говорят *вечерта се проточи* ('вечер затянулся'). *Вечер* может не

соответствовать своему словарному определению. Например, в сочетании *вечерен спектакъл*: если спектакль начинается в 19 часов вечера летом, то это еще светлая часть суток.

Часть ночи, обыкновенно к полуночи, в болгарском миропонимании определяется как *доба*. *Доба*, поэт. 'время, обыкновенно ночное' оно связано с др.болг. словом *доба* 'благовремя', *бездобъ* нареч. 'несвоевременно'. Срв. *оу-добъ* 'вовремя, удобно'. Слово *доба* известно и другим славянским языкам, Срв. срхр. *дѣба*, словен. *doba* и рус. *доба* в зн. 'время', укр. *доба* 'определенное время, эпоха', чеш. и пол. *doba* 'время, эпоха'.

Это время суток по народным представлениям принадлежит темным силам и злым духам. Срв. *Нощем се отлъчвал, <...>, в незнайни места, ходил в потайна доба по самодивски хорища билки да бере, та в име бесовско да цери неизлечими недъзи* (Н. Райнов). Отрицательный смысл, характерный для этого понятия, поддерживается прилагательными, устойчиво употребляющимися при слове *доба* – *потайна, късна, глуха* и под. Цикл суток заканчивается полуночью – *полунощ*.

На ранних этапах развития человечества представление о *времени* носило циклический характер, который соответствовал циклическим процессам в природе, таких, как год, сутки, обращение Луны, смена поколений, которых заменило линейное представление о времени. *Время*, однако, относится к тем реалиям, которые очень тесно связаны с человеческим мировосприятием и которые поддерживают существование человека в природе, т.е. в пространстве. *Время* как философская категория, как естественно-научный термин, как термин гуманитарных наук, как лингвистическое понятие, как слово повседневной речи не обладает однозначно фиксированным значением. В обыденном языке на протяжении векового развития народа отстаивались специфические выражения, представляющие видение человека различных эпох и национальностей на временные отрезки быта и общественной жизни.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание и системная лексикография. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995.

2. Большая советская энциклопедия. Москва: Советская энциклопедия, 1971.
3. Большая советская энциклопедия. Москва: Советская энциклопедия, 1975.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Москва, 1999.
5. Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. Москва, 1975.
6. Гачев Г.Д. Балканы как космос хайдутства. Балканская картина мира в этноязыковом и культурно-историческом аспекте. // Советское славяноведение, 1989, № 4.
7. Гуревич А.Я. История и сага. Москва: Наука, 1972.
8. Иванова Т.С. Функциональная грамматика. Выражение временных отношений в русском языке (на фоне болгарского языка). Шумен: Унив. изд. «Епископ Константин Преславски», 1998.
9. Кронгауз М.А. Структура времени и значение слов. // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. Москва, 1990.
10. Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур. // Языки культуры и проблемы переводимости. Москва: Наука, 1987.
11. Падучева Е.В. К семантике слова *время*: метафора, метонимия, метафизика. // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вяч.Вс.Иванова. Москва: ОГИ, 1999.
12. Пете И. Способы выражения временных отношений в русском языке в зеркале венгерского языка. Budapest, 1976.
13. Петрова К. Фрагмент языковой картины мира («24 часа» в русском и болгарском языках). // Лингвистические и культуроведческие аспекты русского языка в сопоставлении с родным. Пловдив, 1997.
14. Речник на българския език. Т. 1-12. София: БАН, 1977-2004.
15. Станков В. Българските глаголни времена. София, 1969.
16. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. Москва: Академический Проект, 2004.
17. Топоров В.Н. «Балканское» и его истоки: древнебалканская нео-энеолитическая цивилизация. // Советское славяноведение, 1989, № 4.
18. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). Москва, 1979.
19. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. Москва: Наука, 1990.
20. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. Москва: Языки славянской культуры, 2002.
21. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели

- пространства, времени, восприятия). Москва: Гнозис, 1994.
22. Яковлева Е.С. *Час* в системе русских названий времени. // Логический анализ языка: Язык и время. Москва, 1997.
 23. Burkhart D. *Kulturraum Balkan; Studien zur Volksunde und Literatur Sudosteuropas*. Berlin; Hamburg, 1989.
 24. Ducrot O., Todorov Tz. *Encyclopedic Dictionary of the Science of Language*. 1983.
 25. Eadem *Die weibliche Dimension im traditionellen Weltmodell auf dem Balkan*. // SFB.
 26. Stahl P.H. *Soi-même et les autres. Quelques exemples balkaniques*. // *L'Identité: Séminaire dirigé par Claude Lévi-Strauss*. Paris, 1977.

Шестаков Владислав Александрович
магистр психологических наук,
докторант университета Палацкого
республика Греция, г. Оломоуц
e-mail: sheskoslav@gmail.com

Shestakov Vladislav Aliksandrovich
Mgr. et Mgr. of psychological science
Ph.D. student Palacky University
Czech Republic, Olomouc
e-mail: sheskoslav@gmail.com

Петрова Галина Ивановна
PhD
Чехия, г. Прага
e-mail: galapetrova@yandex.ru

Petrova Galina Ivanova
PhD
Czechia, Praga
e-mail: galapetrova@yandex.ru

В. А. Шестаков Г. И. Петрова
**ПСИХОЛОГО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
РЕЛИГИОЗНЫХ ВЗГЛЯДОВ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА**

Аннотация. В данной статье представлены результаты социологического исследования жителей г. Москвы на предмет религиозных верований выборки численностью 5096 респондентов. Полученные данные указывают, что на систему верований человека не влияет уровень благосостояния, уровень светского образования или исповедуемая конфессия. Альтернативные формы религиозных верований по-прежнему остаются актуальными в сознании постиндустриального общества. Данное исследование подтверждает тенденцию неустойчивого интереса общества к ортодоксальным учениям крупнейших религий, использующих сложную терминологию, церемониальную составляющую и пролонгированную сопричастность с конкретной конфессии.

Ключевые слова: католицизм, протестантство, пастафарианство, буддизм, астрология, реинкарнация, приметы, загробная жизнь

V. A. Shestakov G. I. Petrova
**PSYCHO-CULTURAL ANALYSIS OF RELIGIOUS VIEWS OF
POST- INDUSTRIAL SOCIETY**

Abstract. The article presents the results of a sociological survey of residents of Moscow on the subject of religious beliefs for a sample of 5096 respondents. The data obtained indicate that a person's belief system is not affected by the level of well-being, the level of secular education or the confession professed. Alternative forms of religious beliefs are still relevant in the minds of post-industrial society. This study confirms the

tendency of unstable public interest in the orthodox teachings of the largest religions using complex terminology, ceremonial components and prolonged involvement with a particular denomination.

Key words: Catholicism, Protestantism, Pastafarianism, Buddhism, astrology, reincarnation, omens, afterlife

В каждом из нас в этом большом человеческом роде изначально от природы заложено стремление к самореализации. На пути к реализации и самоусовершенствованию мы познаем, воспитываем и меняем и себя, и окружающий мир. Часто мы «спотыкаемся» и становимся неудовлетворенными, а это обуславливает поиск идеала, на которого можно ровняться... В процессе стремления к совершенству нам становится необходимой встреча с реальностью, но все больше и больше именно встреча, которая превосходит нашу собственную, т.е. со сверхъестественным – с Богом. Культура, ее неотъемлемая часть – духовная культура, т.е. религия дают возможность применять знания и найти пути к «востребованному идеалу». Религия как раз и выступает как путь, целью которого является эта встреча с «идеалом».

В эволюции гуманитарного знания, духовной культуры существует множество теорий о происхождении и развитии религии, о том что заставляет человека ставить перед собой описанную выше проблему и какие пути к ее разрешению.

Особое внимание в этом плане вызывают вопросы развития системы верований в постиндустриальном обществе и причины интереса и обращения к ним.

Известно, что понятие религия в переводе с лат. «Religio» – означает соединение, связь. Религиозный человек служит предмету своих надежд, но и соединяется с предметом своей веры. Стремление достигнуть этого единства и движет им. Все его мысли, чувства и действия он испытывает и выполняет не только от своего лица, но от лица того трансцендентного существа, которое в нем живет.

Мы согласны с мнением немецкого социолога и философа Э. Фромма, который констатировал, что люди нуждаются также и в объекте преданности, в посвящении «себя чему-то или кому-то (высшей цели или Богу), в чем заключался бы для них смысл жизни.

Такое посвящение дает возможность преодоления изолированного существования и наделяет жизнь смыслом» [8, с.341].

Религия, как часть духовной культуры, исполняет кроме собственных религиозных функций и культурные функции. Религия выдвигает собственную систему ценностей, при помощи которой личность совершает и регулирует свои поступки, оценивает окружающую действительность. Например, ценность человеческой жизни, выраженная в заповеди «Не убий», зафиксирована не только в нравственных запретах, но и в области правовой культуры. Религия объединяет, распространяет определенные мировоззренческие позиции. Способствует осуществлению межконфессионального и межкультурного диалога и исполняет важную человеко-творческую функцию.

Культура и духовная культура «религия» подразумевают духовный рост, благо человека. С точки зрения культуры это благо делается во имя самого блага, то есть во имя удовлетворения потребностей. Опыт показывает, что зачастую человек на пути реализации своих потребностей жертвует не только своей совестью, чистотой души, но даже жизнью других людей. Поэтому авторы считают, что общество не может быть высокоразвитым, нравственным, если оно живет без религии.

Необходимо отметить, что на основе принципов распространения и культурного значения, можно разделить все существующие религии на следующие группы:

- естественные религии – тотемизм, анимизм, язычество в целом.
- традиционные, или мировые религии – иудаизм, буддизм, христианство, ислам.

Синкретические религии – религиозные или около-религиозные учения, соединяющие различные идеи, атрибуты других религий (ереси, секты). Однако в постиндустриальном обществе, конца 20 и начала 21 вв. с появлением "технотронно оснащенного" общества, с появлением единого информационного пространства формируется и новое глобальное видение мира, новая культура, определяющие новую мозаику ценностей.

Материальные потребности провозглашаются главными, и

человек пытается найти гармонию, смысл жизни в комфорте, еде, одежде, развлечениях, т.е. в поверхностном, по мнению авторов, удовлетворении сиюминутных желаний. Таким образом, с вторжением в духовную жизнь человека усредненных, примитивных идей, на наш взгляд, формируется массовая культура. Духовный водоворот доводит до автономии религий. Религия становится «частным делом». Она продолжает быть свободным, осознанным выбором человека, но в «массовке» отсутствие знаний зачастую приводит к слепой вере, к заблуждениям и даже к трагедиям. Человек начинает искать Бога там, где его нет, а его религиозное чувство реализуется, например, в атеизме или в культе личности, в существовании «живых богов» как при тоталитарных режимах, например, в лице Мао, Сталина и пр. или в культе науки или богочеловека. Футурифобия заставляет людей искать Бога в самых разных религиозных организациях – сектах, которые подавляют, на наш взгляд, религиозные чувства и индивидуальность своих адептов. Большой популярностью в современном обществе пользуются и нетрадиционные формы религиозных институций, имеющих высокий авторитет и различную степень автономности своих объединений. По мнению Ф. Друкера, в начале 1990-х в США было зарегистрировано около миллиона «неприбыльных», благотворительных организаций, «около-церковных» организаций, вовлеченными в решение специфических социальных задач. [Друкер П.Ф, 2014]

В этой связи, уместно констатировать присутствия огромного числа магических и оккультно-изотерических центров, которые оказывают услуги населению во всех государствах Европы. Оккультизм представлен практически во всех аспектах современной культуры. Многие средства массовой информации предоставляют для своих читателей астрологические прогнозы, в каждом книжном магазине имеются стенды с оккультной литературой, в интернете функционируют тысячи сайтов оккультных центров, частных магов и эзотериков.

Рассвет оккультно-эзотерической активности во многом связан с аспектами таких постиндустриальных тенденций как индивидуализм, феминизм, гомосексуализм, эвтанизация и прочих социальных трендов. Аккумулируя вышеизложенное нельзя

отрицать, что данная проблематика во многом связана с религиозной безграмотностью и с отсутствием элементарной религиозной культуры человечества. Данный тезис детерминирован целым рядом таких актуальных исследований как К. Калкуновой [1], J. Lalich [4], З. Шрам [7], Е. Кутявиной, Ивашечкиной [2] и прочие.

Анализ научных источников не даёт чёткого определения понятию религиозная безграмотность, однако исследователи как G. Биеста [3], Т. Рэй [6], Д. Олдридж [3] считают, что концепция религиозного образования является трансцендентным измерением самой культуры. Очевидно, что религиозная грамотность является следствием религиозного образования, согласно этому Протеро утверждает, что «религиозная грамотность необходима для того, чтобы помочь гражданам в полной мере участвовать в социальной, политической и экономической жизни страны и мира, в которых религия имеет большое значение» [5, с.50].

Отсутствие религиозной компетентности в постиндустриальном обществе является актуальной проблемой, поэтому перед исследованием встают следующие вопросы:

I. может ли наличие высшего образования компенсировать уровень религиозной грамотности?

II. влияет ли уровень жизни на религиозную грамотность человека?

Целью данного исследования является выявление религиозных взглядов людей проживающих в мегаполисе.

Социологический опросник на тему «Религиозные взгляды жителей Москвы» аккумулирует три основных блока. Первый блок – отборочная анкета состоит из 10 вопросов, 3 из которых – статистические (возраст, пол, район проживания), остальные – общие, позволяющие выяснить приверженность к той или иной религии. Второй блок состоит из семи разделов, каждый из которых соответствует определённой религии. В частности:

- *Православие. Переход к разделу 2.*
- *Католицизм. Переход к разделу 3.*
- *Протестантизм. (Лютеране, баптисты, евангелисты и так далее). Переход к разделу 4.*
- *Другое христианство (Укажите какое). Переход к разделу*

5.

– *Ислам, (мусульмане). Переход к разделу 6.*– *Иудаизм. Переход к разделу 7.*– *Другая религия. (Указать какая). Переход к разделу 8.*

В зависимости от вероисповедания респондента скрипт открывает соответствующий раздел. Количество вопросов в разделах от 6 до 17, в одном из вопросов каждого раздела есть 4 дополнительных вопроса. В частности, в разделе Ислам:

Скажите, пожалуйста, как часто Вы посещаете собрание своей религиозной общины?

Скажите, пожалуйста, как часто Вы посещаете мечеть?

Насколько строго Вы придерживаетесь употребления халяльных продуктов?

Совершали ли Вы хадж?

Третий блок – социально-демографический состоит из двух вопросов (“Уровень благосостояния семьи” и “Образование”).

Следует отметить, что особенностью проекта является то, что в разделе “Ислам” необходимо ещё раз отметить пол респондента, так как некоторые вопросы у мусульман корректно задавать только мужчинам.

Социологическое исследование автора реализовано совместно с центром мониторинга общественного мнения среди жителей г. Москвы в апреле 2015 года средствами метода социологического опроса. Выборка численностью 5096 респондентов состоит из 2788 опрошенных женского и 2308 респондентов мужского полов. Средний возраст опрошенных от 18 до 95 лет. В таблице №1 представлены возрастные данные респондентов.

Таблица №1 *Возрастные данные респондентов*

Возраст	46
Средний	77
Минимальный	18
Максимальный	95

В социологическом исследовании приняли участие респонденты с различным уровнем финансового положения и уровнем образования, что отражено в таблицах № 2 и № 3.

Таблица №2. *Уровень образования респондентов**Образование*

1. Среднее общее (школьное);	422	8,28%
2. Среднее специальное (колледж, техникум);	1185	23,25%
3. Незаконченное высшее;	428	8,40%
4. Высшее, ученая степень.	3049	59,83%
Затрудняюсь ответить/отказ от ответа.	12	0,24%

Таблица №3. *Уровень благосостояния респондентов*
материальное благосостояние

	Число	%
1. Мы еле сводим концы с концами. Денег не хватает даже на питание.	179	3,51%
2. На питание денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные проблемы.	849	16,66%
3. Денег вполне хватает на питание и одежду, однако купить сейчас телевизор, холодильник или стиральную машину было бы трудно.	1952	38,30%
4. Денег хватает на крупную бытовую технику, но мы не могли бы сейчас купить новую машину.	1234	24,22%
5. Наших заработков хватает на все, кроме дорогих приобретений, таких как дача, квартира.	550	10,79%
6. Материальных затруднений не испытываем, могли бы приобрести дачу, квартиру.	103	2,02%
Отказ от ответа/Затрудняюсь ответить.	229	4,49%

Согласно результатам социологического исследования религиозные взгляды респондентов основных монотеистических религий, таких как Ислам, Иудаизм, Православие и других конфессий были разделены по соответствующим категориям. Результаты представлены в таблице № 4.

Таблица №4. *Религиозные взгляды респондентов*
Религиозные взгляды

Не придерживаюсь	1390	27,28%
Православие	3426	67,23%

Католицизм	19	0,37%
Протестантизм. (Лютеране, баптисты, евангелисты и так далее)	27	0,53%
армянская апостольская церковь	16	0,31%
Другое христианство	15	0,29%
Ислам, (мусульмане)	91	1,79%
Иудаизм	14	0,27%
Буддизм	29	0,57%
Индуизм	4	0,08%
пастафарианство	6	0,12%
язычество	15	0,29%
Другая религия	44	0,86%

В ходе социологического исследования детальные аспекты верований респондентов были структурированы и представлены в таблице №5.

Таблица №5. Аспекты веры у респондентов

Представление о Боге

1. Я не верю в Бога.	453	8,89%
2. Я не знаю, существует ли Бог, и не верю, что это можно установить.	260	5,10%
3. Я не верю в Бога, но верю в некую высшую силу.	849	16,66%
4. Иногда я верю в существование Бога, иногда – нет.	268	5,26%
5. Я верю, что Бог существует, хотя иногда испытываю сомнения.	715	14,03%
6. Я верю, что Бог действительно существует, и не сомневаюсь в этом.	2442	47,92%
Затрудняюсь ответить / Отказ от ответа.	109	2,14%

В таблице №6. Структурирована и представлена система верований современных горожан более детальнее.

Таблица №6. Система верований современных горожан.

верите ли Вы	Да	Нет	3/0
1. В жизнь после смерти.	2482 48,70%	2089 40,99%	525 10,30%

2. В реинкарнацию. (Перерождение души в новом теле).	1645	32,28%	2954	57,97%	497	9,75%
3. В существование рая.	2262	44,39%	2348	46,08%	486	9,54%
4. В существование ада.	2259	44,33%	2384	46,78%	453	8,89%
5. В астрологические прогнозы.	1259	24,71%	3698	72,57%	139	2,73%
6. В приметы.	2280	44,74%	2724	53,45%	92	1,81%
7. В вещие сны.	2551	50,06%	2383	46,76%	162	3,18%
8. В воскресение мёртвых.	776	15,23%	4073	79,93%	247	4,85%

По итогам проведённого социологического исследования следует констатировать, что 32,8% (1645) респондентов верят в реинкарнацию души, 24,7% (1259) респондентов верят в астрологические прогнозы, (2280) респондентов верят в суеверия, но в то же время (3049) респондентов и или 59,8% имеют высшее образование или ученую степень.

Полученные результаты исследования указывают нам, что на систему верований человека не влияет уровень благосостояния, уровень светского образования или исповедуемая конфессия. Альтернативные формы религиозных верований по-прежнему остаются актуальными в сознании постиндустриального общества. Полученные результаты свидетельствуют, что примитивные формы верований для общества остаются кратчайшим путем решения насущных вопросов и жизненных проблем. Данное исследование подтверждает тенденцию неустойчивого интереса общества к ортодоксальным учениям крупнейших религий использующих сложную терминологию, церемониальную составляющую и пролонгированную сопричастность с конкретной конфессии.

В свете вышеизложенного очевидно, что религиозная потребность общества, по мере развития цивилизации, не уменьшается. В изменяющемся постиндустриальном мире человечество видит в религии то неизменное, что позволяет ему

существовать и развиваться дальше. Цивилизационные изменения не всегда приводят к изменению религии, тогда как изменения верований неизбежно приводят к глобальным сдвигам в культуре. Неслучайно Н. Бердяев писал: «Культура родилась из культа. Истоки ее – сакральны... Культура имеет религиозные основы» [2]. Человек потому так гордится достижениями культуры, что изначально они освещены для него светом религии.

Библиографический список

1. Колкунова К.А. Духовные, но не религиозные респонденты в современных исследованиях. – Вестник ПСЦГУ, 2015.
2. Кутявина Е.Е., Ивашечкина Д.Е. Место религии в системе ценностей. – Вестник НГУ им. Лобачевского, 2019.
3. Biesta G. Oldridge, D. Hannam, P. Religious literacy: a way forward for religious education? – University of London, 2019.
4. Lalich J. Cults today: a new social and psychology perspective. – Cambridge, MA: Belknap Press, 2017.
5. Prothero S. Religious literacy: What every American needs to know and doesn't. – New York: Harper Collins 2007. – 50с.
6. Ray T. Religious literacy and medical interpretation: Giving meaning to meaning in the Twenty-First-Century American Hospital. – USA: University of Pennsylvania Press, 2019.
7. Šram Z. Psychopathy and Depression as Predictors of the Satanic Syndrome, – published by De Gruyter Open, 2017.
8. Ziegler D. Hgell Z. Personality Theories. – S.- Piterburg: Piter press, 2019. – 341 с.

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА

Владова Илиана Михайлова
Доктор филологии, доцент
СУ им.Св.Климента Охридского
Болгария, г. София
Email: docvladova@mail.bg

Vladova Iliana Mihailova
Associate Professor, Ph.D.
Sofia University St.Kliment Ohridski
Bulgaria, Sofia
e-mail: docvladova@mail.bg

И. М. Владова

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются современные аспекты в области переводоведения, среди которых главными являются когнитивный, культурологический и прагматический. Подробно анализируются их основные характеристики. Подчеркивается, что культурологическому аспекту сегодня отводится существенное место, поскольку в процессе переводческой трансформации текста происходит пересечение концептуальных систем обеих культур: исходной и принимающей.

Ключевые слова: перевод, трансляция, когнитивистика, культурный код, межкультурная коммуникация, культурное пространство, прагматика.

I. M. Vladova

COONTEMPORARY TRANSFERENCE ASPEKTUS

Abstract. The article examines modern aspects in the field of translation studies, among which cognitive, cultural and pragmatic are the main ones. Their main characteristics are analyzed in detail. It is emphasized that the culturological aspect today is given a significant place, since in the process of translation transformation of the text, the intercession of conceptual systems of both cultures occurs: the source and the receiving one.

Keywords: translation, cognitive science, cultural code, intercultural communication, cultural space, pragmatics.

Переводческая деятельность в современном мире приобретает

все большие масштабы и все большую социальную значимость. Подобное явление можно объяснить развивающимся процессом глобализации, который охватил все страны мира, что привело к интенсивности международных контактов, а также к возрастанию роли межъязыковой коммуникации. Это отразилось существенно на объеме переводческой деятельности и в конечном итоге привело к углубленному развитию теории перевода.

Современное переводоведение характеризуется большим разнообразием теоретических концепций и направлений. От своей первоначальной лингвистической направленности оно ориентировалось в сторону социокультурного и коммуникативного подходов. Задача переводчика уже рассматривается в более широком аспекте чем обыкновенного транслятора информации, заложенной в исходном тексте (ИТ), а сам переводчик по словам исследовательницей Анисимовой «перестает как некая коммуникативно-когнитивная система», обусловленная культурой, в которой он вырос [1, с.123].

Новые концепции отражают и современное развитие технологий и, в частности, широкое применение электронно-вычислительной техники и ее включение в межъязыковые контакты [2].

Внимание исследователей процесса перевода направлено на мыслительные операции, которые присходят в сознании транслятора в процессе восприятия ИТ и его пересоздание в текст перевода (ТП). Данный спектр проблем способствовал зарождению и развитию когнитивного переводоведения. В самом процессе трансформации одного текста в другой происходит семантическое истолкование модели культуры, которую ИТ отражает, с тем, чтобы ее воссоздать в ТП, учитывая при этом особенности иной культурной ситуации, в которую продуцированный текст должен вписаться.

Это дает основание считать, что в современном переводоведении оформились три главных аспекта: **КОГНИТИВНЫЙ, культурологический и прагматический.**

Когнитивный аспект направлен на раскрытие специфики переводческого мышления, на описание мыслительных процессов, которые осуществляет переводчик в процессе подготовки трансляции ИТ. В случае переводоведы опираются на когнитивную лингвистику,

занимающуюся изучением языка как феномена ментальности. Это означает, что процесс перевода связан с когнитивными процессами, происходящими в сознании переводчика.

Для когнитивистики в области перевода очень важным является изучение характера, способов и причин действий переводчика в процессе создания ТП. Тут важное место отводится изучению мыслительных процессов, определяющих понимание смысла ИТ, выбор языковых средств для его выражения и их применение в процессе трансляции, на что в последнее время уделяют большое внимание теоретики перевода, как Ремхе, Сдобников и др. [3.4].

При транслятивном процессе происходит перенос текста из одной культуры в другую, что требует сохранения его понятийно-образных и ценностных элементов. Эти элементы представляют фрагменты иного ценностного опыта, иной культурной традиции и, включенные в ТП они порождают столкновение обеих культур: исходной и принимающей. Наряду с близкими, сходными чертами культуры текст отражает и особые, специфические особенности. Таким образом, перевод воспринимается как процесс, осуществляемый не только между языками, а как своеобразную коммуникацию между культурами. **Культурологическому подходу** в переводоведении сегодня отводится существенное место. Разумеется, этот вопрос давно занимает сознание теоретиков перевода. В переводоведении накопилось много исследований по проблемам межкультурной коммуникации, которая наблюдается при процессе трансляции иноязычных текстов. Утвердилась точка зрения, что восприятие ИТ осуществляется с позиции принадлежности к определенной системе ценностей. При продуцировании ТП происходит пересечение концептуальных систем обеих культур: исходной, культуры подлинника, и принимающей, культуры перевода. При этом процессе происходит выявление лакун в лингвокультурном пространстве принимающей культуры, о чем писали в свое время теоретики Сорокин, Марковина и др. [5]. Это свидетельствует об ином ценностном опыте, об иной культурной традиции. Включение элементов культурного кода иноязычного текста в ТП порождает столкновение обеих культур. Для разрешения конфликта переводчик прибегает к субституции, т.е. к замене отсутствующих в жизненном

опыте принимающей культуры явлений аналогичными явлениями, которые утвердились в последней. Субституты несут информацию об тождественных явлениях в принимающей культуре и представляют собой попытку преодолеть дистанцию между ней и культурой ИТ. Это с особой силой относится к символам обеих культур, контактуемых между собой в процессе перевода. Так, например, символ „обновления, возрождения, наступления нового как в природе, так и в жизни” в русской поэтике связывается с денотатом **черемуха**, поскольку само дерево провоцирует такие ассоциации.

Например, в стихотворении С. Есенина „Письмо к сестре” употреблено это слово с целью раскрытия душевного состояния героя.

„Я помню праздник,
звонкий праздник мая.

Цвела **черемуха**...

Болгарский эквивалент „**песекия**” лишен такой знаковости. В болгарском культурном коде подобной символикой наделено другое слово **сирень** (**люляк**). Об этом свидетельствует болгарская поэзия и, в частности, стихотворение болгарского поэта А. Германова:

„Потънах в дрямката на тоя
обичан и забравен свят
и станах чист като покоя
на **люляковия** хлад.”

Для разрешения конфликта переводчик прибегает к субституции, т.е. к замене. Поэтому переводчик С. Есенина использует этот субститут при трансфере есенинского, т.е. русского символа:

„Аз помня
празнични простори
цвят **люляков** край мен...”

Об уникальности символов той или иной культуры свидетельствует тот факт, что к одним и тем же денотатам закрепляются разнооценочные ассоциативные признаки. Так, например, русское слово **береза** символизирует русскую красавицу; эту знаковость „внешней красоты девушки” в болгарской литературе несет другое дерево – **осина**, по-болгарски **трепетлика**.

Сопоставим присутствие этих символов в обеих литературах: русской и болгарской. Сравним:

”Березки!

Девушки-березки!

И не любит лишь тот,

Кто даже в ласковом подростке

Предугадать не может плод!”

С. Есенин

„Нямам ли снага на **трепетлика,**

Тънка риза, тежко везана!”

Е. Багряна

Согласно русскому культурному коду дерево **осина** – **проклятое дерево**; на нем повесился Иуда. Поэтому, ориентируясь на национальные стереотипы восприятия, переводчик осуществляет соответствующую трансформацию [2].

Таким образом, переводчик адаптирует ТП к культурным характеристикам его адресата. Вместе с тем текст должен нести и те характеристики, которые специфичны для всех текстов, функционирующих в данном культурном пространстве. Только при таком условии продуцированный текст в результате трансфера может вписаться в данную систему текстов. Это свидетельствует о наличии **прагматического аспекта** в современной теории перевода, воспринимаемом как отношение между текстом, его продуцентом и реципиентом. Переводчик должен учитывать эти своеобразные отношения, которые складываются в процессе трансляции.

Эта адаптация ТП к характеристикам его адресата наблюдается при переводе всех видов текста, в том случае и при переводе кинофильмов, видеопрезентаций, связанных с технологизацией самого переводческого процесса, но особенно ярко она присутствует при переводе художественных и рекламных текстов, поскольку эти тексты отражают духовные ценности данного этноса, которому предназначен перевод, его своеобразный способ восприятия и освоения мира.

В заключении хочу подчеркнуть, что переводоведение в современных условиях приобрело междисциплинарный характер, включая в себя проблемы нескольких научных дисциплин, как когнитология, культурология, прагматика, что благоприятствует углубленному и успешному изучению процесса перевода.

Библиографический справочник

1. Анисимова А.Т. Современные тенденции в переводоведении и переводческой практике.

2. Владова И.М. Современные тенденции в переводоведении. Мир русского слова и русское слово в мире. XI Конгресс МАПРЯЛ, т.5, Варна, 2007.
3. Ремхе И.Н. Переводческая стратегия как проявление когнитивного стиля переводчика. Научная жизнь. М., 1988
4. Сдобников В.В. Новые тенденции в переводоведении. Казанский вестник молодых ученых, 2018, т.2
5. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Культура и ее этнопсихологическая сущность.М. 1988.

Кынева Виктория Гочева
Доктор филологии, гл. ассистент
Великотырновский университет
им. Св. Кирилла и Мефодия
Болгария, г. Велико-Тырново
e-mail: vgotcheva_g@mail.bg

Kaneva Viktoriya Gocheva
Chief Assis., PhD.
University of VelikoTurnovo
St Cyril and St. Methodius
Bulgaria, VelikoTurnovo
e-mail: vgotcheva_g@mail.bg

В. Г. Кынева

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РУССКОГО ДЕЕПРИЧАСТИЯ В РОЛИ ВТОРОСТЕПЕННОГО СКАЗУЕМОГО

(на материале переводов с русского на болгарский язык)

Аннотация. Переводческие трансформации русских деепричастий определяются их функциональными различиями: деепричастия, обозначающие сопутствующее действие, переводятся спрягаемыми глагольными формами, выступающими в переводе в роли сказуемого сложносочиненного предложения; деепричастиям, обозначающим обстоятельство, также соответствуют спрягаемые глагольные формы, но в роли сказуемого в придаточном предложении.

В настоящей статье анализируется трансформация деепричастий в роли второстепенного сказуемого. Устанавливается определенная закономерность, связанная с видовыми отношениями между деепричастием и глаголом. Существующие между основным и второстепенным сказуемыми отношения одновременности, предшествования и следования сохраняются в переводе при условии, что их болгарские глагольные соответствия сохраняют видовую принадлежность русского глагола и деепричастия.

Ключевые слова: деепричастие, второстепенное сказуемое, обстоятельство, переводческая трансформация

V. G. Kaneva

TRANSLATION TRANSFORMATIONS OF RUSSIAN PARTICIPLES IN THE ROLE OF SECONDARY PREDICATE (based on translations from Russian into Bulgarian)

Abstract. Translation transformations of Russian participles are determined by their functional differences: participles denoting a concomitant action are translated as conjugated verb forms, which in translation take the role of the predicate of a compound sentence; participles denoting adverbial modifiers are also translated as conjugated verb forms, but in the role of the predicate of a subordinate clause.

The present article analyses the transformation of participles in the role of

secondary predicate. There is a certain pattern associated with the aspectual relationship between the participle and the verb. The existing relationships of contemporaneity, precedence and sequence between the main and secondary predicates are preserved in translation, provided that their Bulgarian verb correspondences preserve the aspectual affiliation of the Russian verb and participle.

Key words: participle, secondary predicate, adverbial modifier, translation transformation

Как известно, деепричастия, как в русском, так и болгарском языке представляют собой гибридные формы глагола. При совпадении их основных характеристик они обладают специфическими различиями, которые, как показывают наши наблюдения, следует учитывать в процессе их перевода на болгарский язык.

Целью настоящей статьи является анализ перевода русских деепричастий, выступающих в роли второстепенного сказуемого, на болгарский язык. В этой связи, во-первых, коротко сопоставим основные признаки русских и болгарских деепричастий и опишем их особенности, имеющие отношение к переводу и, во-вторых, на их базе попытаемся систематизировать основные переводческие трансформации и установить закономерности их приложения в процессе перевода.

I. Деепричастия в болгарском языке представляют собой неизменяемые неличные глагольные формы и употребляются для обозначения дополнительных от действий, сопровождающих действия других спрягаемых глаголов. Образуются они только глаголов несовершенного вида с помощью суффиксов: *-ейки* (для глаголов I и II спряжений): *нея – неейки, стоя – стоейки*; *-айки/ -яйки* (для глаголов III спряжения) *понасям – понасяйки, бягам – бягайки*. [см. 2, с. 359 – 360]

Болгарские деепричастия имеют книжный характер и в принципе не рекомендуется их употребление в других стилях. [2, с. 359 – 360]

Русский язык обладает более разветвленной системой деепричастных форм: они образуются с помощью продуктивных и непродуктивных суффиксов от глаголов обоих видов. Для деепричастий несов. вида характерны продуктивные суффиксы **-а / -я**

(*крича, читая*) и непродуктивные **-учи / -ючи**(*крадучись, играючи*). Продуктивными для деепричастий сов. вида являются суффиксы **-в / -вши / -ши** (*прочитав, прочитавши, изнемогши*), а непродуктивными **-а / -я** (*сложая, увидя*).

С точки зрения употребительности русские деепричастия неоднородны: в современном русском языке функционируют две группы деепричастий: книжные (с суффиксами **-а, -я, -в**) и разговорно-просторечные (с суффиксами **-вши, -ши**) [см. 3, с.325 – 326]. Это означает, что деепричастия активно функционируют как в книжной, так и разговорной речи. Некоторые авторы отмечают, что в настоящее время наблюдается их «возрастающее использование в процессе коммуникации» [11, с.308].

Эта самая общая характеристика болгарских и русских деепричастных форм сразу выявляет два их основных отличия: отсутствие в болгарском языке деепричастий сов. вида и их незначительная распространенность в других стилях, кроме как в книжном.

Трудности, которые могут возникнуть в процессе перевода русских деепричастий на болгарский язык, определяется этими двумя факторами, По этому поводу И. Васева пишет: «Отсутствие в болгарском языке деепричастий с/в и неупотребительность деепричастий нс/в заставляет переводчиков прибегать исключительно к функциональным эквивалентам (причастиям, финитным глаголам в придаточных и главных предложениях, предложно-именным сочетаниям и т. п.)» [1, с. 207]

Специфика переводческих трансформаций русских деепричастий в роли второстепенного сказуемого определяется их грамматической семантикой, возникающей в результате их соотнесенности с основным сказуемым и структурой синтаксических конструкций, в которых они функционируют в переводе.

В русской лингвистической литературе значение деепричастия, которое в предложении относится к сказуемому, обозначающему основное действие или состояние, определяется как дополнительное действие: а) сопутствующее основному действию или состоянию; б) характеризующее основное действие или состояние [10, с. 186].

В предложении деепричастия со значением сопровождающего

действия выполняют роль второстепенного сказуемого, а со значением характеристики – роль обстоятельства.

Срв. *Достав из сумки инструменты, он разложил их на лавке.* [Евгений Водолазкин. Лавр (2012)] (второстепенное сказуемое: *достал и разложил*)⁶

Резо, почувствовав свободу, несколько обезумел. [Сергей Довлатов. Наши (1983)] (обстоятельство причины: *обезумел, потому что почувствовал свободу*)

II. Второстепенное сказуемое, выражающее сопутствующее действие по отношению к основному, может означать действие, которое протекает одновременно с ним, предшествует ему или следует за ним, ср., например:

Профессор смотрел на него, постукивая пальцем по столу. [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 3 (1943-1958)] (одновременность).

Гетманов, поглядев на портрет Сталина, висевший на стене, поднял рюмку и сказал: Что ж, товарищи, первый тост за нашего отца, пускай он нам будет здоров. [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)] (предшествование)

Луч света упал на лицо Азраила, осветив его разноцветные глаза – один зеленый, как полуденное море, другой янтарно-золотой. [Наталья Александрова. Последний ученик да Винчи (2010)] (следование).

Обстоятельственное значение деепричастий, характеризующее основное действие, указывает на время, способ, причину, условия и т. п. его совершения.

– Домой очень хочется, – говорит Лора, глядя в пол, – по маме соскучилась. [Константин Арский. «Метровые» дети // «Вечерняя Москва», 2002.05.16] (способ).

Теперь все они там оживились, наверно, увидев своих на башне. [Василь Быков. Главный кригсман (2002)] (причина).

Сопровождающие и обстоятельственные деепричастия обладают особенностями, которые имеют непосредственное отношение к их переводческим трансформациям.

Дело в том, что эти значения различаются формально-

⁶ Примеры без перевода с сайта <https://ruscorpора.ru/new/>.

семантическим соотношением с предикативными конструкциями:

– деепричастия, обозначающие сопутствующее действие, соотносительны со сказуемым (*шел, **размахивая** руками – шел и **размахивал** руками*);

– деепричастия, обозначающие обстоятельственную характеристику, – с придаточным предложением (***войдя** в комнату, поздоровался со всеми – **когда вошел** в комнату, поздоровался со всеми*), а обозначающие состояние субъекта не соотносятся с конструкциями другого грамматического строения. [об этом см. 10, с.180]

Второстепенные сказуемые могут заменяться спрягаемыми формами глагола и связываться с глаголом основного действия сочинительной связью, т.е. сочетание глагола и деепричастия трансформируется в однородные сказуемые.

Срв.: *Лосик, **сидя** на корточках, **перелистывал** югославский журнал*. [Сергей Довлатов. Дорога в новую квартиру (1987)] = *Лосик **сидел** на корточках **и перелистывал** югославский журнал*.

Что касается деепричастий с обстоятельственным значением, то они при определенных условиях также могут заменяться спрягаемыми глаголами, но в составе придаточных предложений.

Срв.: *Я задрожала как от этого немого вопроса, так и от этого взгляда и скорей **пошла** домой, **испугавшись** дальнейшего разговора, которого бы не вынесла*. [А. Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой (2012)] = *Я задрожала как от этого немого вопроса, так и от этого взгляда и скорей **пошла** домой, **потому что испугалась** дальнейшего разговора, которого бы не вынесла*. (причина)

*Только **узнав** все это, мы **сможем** разработать план действий*. [Елизавета Козырева. Дамская охота (2001)] = ***Как только узнаем** все это, мы **сможем** разработать план действий*. (условие)

Из всего изложенного выше следует, что учет функциональных особенностей русских деепричастий, выступающих в роли второстепенного сказуемого или обстоятельства, а также возможностей русского языка заменять их точно определенными синонимическими конструкциями являются основным условием, обеспечивающим адекватный перевод их грамматических значений

на болгарский язык. Руководствуясь этим, мы считаем, что переводческие трансформации русских деепричастий нужно рассматривать с точки зрения их синтаксической роли в предложении.

III. Исходя из этого, дальше в этой статье, как было отмечено в начале, проанализируем перевод русских деепричастий в роли второстепенного сказуемого, у которых в предложении возникают определенного типа темпоральные отношения с глаголами, обозначающими основное сказуемое.

Как известно, деепричастия не могут обозначать время по отношению к моменту речи, т.е. они не обладают категорией времени, но между ними и основными глагольными сказуемыми устанавливаются отношения хронологической соотнесенности: одновременности, предшествования и следования.

Деепричастия в роли второстепенного сказуемого в переводе трансформируются в спрягаемые глагольные формы несовершенного или совершенного вида, в зависимости от их видовой принадлежности и хронологической соотнесенности с глаголом-сказуемым в русском тексте.

В переводе деепричастие получает соответствие, как правило, в виде спрягаемой глагольной формы, которое приобретает статус сказуемого простого предложения в рамках болгарского сложносочиненного предложения.

Срв: Я подкрадывался как можно тише, в то же время внимательно осматривая путь перед собою. – Прокрадвах се колкото може по-тихо и в същото време оглеждах внимателно пътя пред себе си. [Александр Беляев. Хойти-Тойти]⁷

В русском языке, как уже было отмечено, при такой синонимической замене глагольная форма выступает в роли однородного сказуемого. Это расхождение проистекает из различного понимания сложносочиненного предложения в русской и болгарской лингвистике.

⁷ Анализ передачи деепричастий на болгарский язык проводится на примерах из Корпуса параллельных русских и болгарских текстов - <http://rbcorpus.com>. Информацию о выходных данных произведений и переводов можно найти по ссылке <http://rbcorpus.com/proizvedenia.php>

В русском синтаксисе наличие одного подлежащего при нескольких сказуемых трактуется как простое предложение с однородными сказуемыми.

Срв.: *Сидя у окна, сестра рассматривала иллюстрации к книге.* – *Сестра сидела у окна и рассматривала иллюстрации к книге.*

Отдельные простые предложения в рамках болгарского сложносочиненного предложения могут иметь свое подлежащее и свое сказуемое [1], но как пишут авторы «Граматики современного болгарского литературного языка», «это не обязательно» [5, с. 289]

(1) *Могъщите дъбове се нежеха на априлското слънце и младите им листа потрехаха от ветреца* (Ем. Станев). [5, с. 290]

(2) *Той взе ножа и пак тъй предпазливо и на пръсти излезе от двора на селището и тръгна към гората* (Ем. Станев). [5, с. 289]

Следовательно, независимо от наличия одного или нескольких подлежащих, болгарские предложения этого типа относятся к сложносочиненным.

Все эти теоретические различия не являются существенными для перевода, так как в обоих случаях сохраняется основной признак хронологической связи – сочинение.

Трансформация деепричастия в переводе в спрягаемую глагольную форму меняет его статус выразителя второстепенного действия – болгарская глагольная форма уже выступает в качестве равноценного члена предложения (сказуемого) [1, с. 208], вступающего с основным сказуемым в хронологические отношения одновременности, предшествования и следования.

III.1. Перевод деепричастий со значением одновременности.

При отношении одновременности действие, обозначаемое деепричастием, происходит в то же самое время, что и действие глагола-сказуемого. Оно выражается русским деепричастием **несов. вида** в сочетании с глаголом **несов. вида** и реже с глаголом **сов. вида**. ср.:

Дома Егор ходил (несов.) *из угла в угол, что-то обдумывая* (несов.). [Василий Шукшин. Калина красная (1973)]

Я взобрался (сов.) *на пригорок, нетерпеливо обдумывая*

(несов.), *что делать дальше. Солнце влекло меня за собой, торопило.* [Александр Иличевский. Перс (2009)]

В переводе сочетание глагола с деепричастием трансформируется в сочетание двух спрягаемых глагольных форм: а) связанных союзной (чаще всего 'и') или бессоюзной сочинительной связью; б) сохраняющих вид русских деепричастий и глаголов.

В зависимости от вида русского глагола в роли основного сказуемого, с которым сочетается деепричастие несов. вида, обособляются два типа трансформаций, обозначающих: полную одновременность (с глаголами несов. вида) и неполную (с глаголами сов. вида).

III.1.1. Деепричастие и глагол переводятся глагольными формами несовершенного вида (полная одновременность).

Эта трансформация является основной и вполне адекватной, так как отношение одновременности в болгарских сложносочиненных предложениях выражается тем же видовым соотношением между глагольными сказуемыми [9, с. 291], причем сочинительная связь также может быть союзной (1) и бессоюзной (2).

(1) *Эльза медленно махала (несов.) веером, следя (несов.) за белой яхтой, показавшейся в океане, у входа в залив. – Елза бавно си вееше (несов.) с ветрилото и следеше (несов.) бялата яхта, която се появи в океана при входа на залива.* [Александр Беляев. Властелин мира]

(1) *Дворник стоял (несов.) у дверей своей каморки и указывая (несов.) прямо на него какому-то невысокому человеку, с виду похожему на мещанина, одетого в чем-то вроде халата, в жилетке и очень походившему издали на бабу. – Портьерът стоеше (несов.) до вратата на стаичката си и го сочеше (несов.) направо на някакъв невисок човек с вид на занаятчия, облечен в нещо като халат, по жилетка, който отдалече много приличаше на жена.* [Федор Достоевский. Преступление и наказание]

(1) *Прасковья Федоровна уже входила (несов.) в комнату, вопросительно и тревожно глядя (несов.) на Иванушку. – ПрасковьяФьодоровна вечевлизаше (несов.) в стаята и гледаше (несов.) въпросително и угрижено Иванушка.* [Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита]

(2) Но ощущение бодрящего морозного воздуха и дальнего шума улицы долго не оставляло его, и Саша **стоял** (несов.) у окна, **всматриваясь** (несов.) в клочок зимнего неба, синий безмятежный свод, который только что висел над ним. – Но споменът за ободряващия студен въздух и за далечния шум от улицата дълго не го напускаше и Саша **стоеше** (несов.) под прозореца, **взираше се** (несов.) в късчето зимно небе, този син безметежен свод, който току-що бе висял над него. [Анатолий Рыбаков. Дети Арбата]

(2) Он целые дни **проводил** (несов.) теперь на подоконнике, **наблюдая** (несов.) за тем, что делается на "вольном свете". – Сега **прекарваше** (несов.) по цели дни на перваза, **наблюдаваше** (несов.) онова, което ставаше в „свободния свят“. [Борис Полевой. Повесть о настоящем человеке]

IV.1.2. Деепричастие переводится глагольными формами несовершенного, а глагол – формами совершенного вида (частичная одновременность).

Случаи, когда деепричастие несов. вида, сочетаясь с глаголом сов. вида, выражает одновременность, переводятся соответственно спрягаемыми глаголами несов. и сов. вида, связанными сочинительной связью – конструкция, которая в болгарском языке также выражает одновременность.

Срв.: **Глядя** (несов.) на монету, Ника задумчиво **повторил** (сов.) – в сотый раз: – «Посчитай его». Кого? Или что? – Ника **гледаше** (несов.) монетата и умислено **повтори** (сов.) сигурно за стотен път: – „Преброй го.“ Кого? Или кое? [Борис Акунин. Ф.М.]

Мальчик **промолчал** (сов.), **глядя** (несов.) в пол.– Момчето **гледаше** (несов.) в пода, без да **отговори** (сов.). [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Трудно быть богом]

III.2. Перевод деепричастий со значением предшествования.

Предшествование, обозначаемое деепричастием, предполагает осуществление сопровождающего действия до осуществления основного действия. Выражается оно преимущественно деепричастием **сов. вида** в сочетании с глаголом **сов. вида**, причем деепричастие в предложении находится в препозиции по отношению к глаголу-сказуемому [8, с. 19]

Срв.: **Одевшись** (сов.) и **выпив** (сов.) полстакана холодного чая,

*он **сдёрнул** (сов.) с крючка полотенце с вышитым двухголовым петухом, **взял** (сов.) пакет с туалетными принадлежностями и **вышел** (сов.) в коридор.* [Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)]

В определенных случаях, например, если контекст однозначно свидетельствует о предшествовании, то деепричастие может быть и в постпозиции по отношению к глаголу-сказуемому.

*Срв.: Ямицики говорили, что он **вышел** (сов.), **одевшись** (сов.), ещё до окончания развёрстки...* [В. Г. Короленко. Мороз (1900-1901)]

*– Ну, что ж! – **возопил** (сов.) вдруг Обалдуй, **выпив** (сов.) духом стакан вина и сопровождая своё восклицание теми странными размахиваниями рук, без которых он, по-видимому, не произносил ни одного слова.* [И. С. Тургенев. Певцы (1850)]

В переводе в пределах сложносочиненного предложения деепричастие и глагол заменяются спрягаемыми глаголами сов. вида, а также неличными глагольными формами – причастиями, входящими в состав болгарских времен предшествования.

Болгарское сложносочиненное предложение с глаголами сов. вида также является конструкцией, означающей отношения предшествования. Глагол, заменяющий деепричастие, находится, как правило, в препозиции и очень часто в форме аориста, который относится к болгарским временам предшествования [4, с. 289].

*Срв.: Затем, **бросив** (сов.) метлу, слон **отправился** (сов.) к выходу. – После слонът **захвърли** (сов.) метлата и **тръгна** (сов.) към изхода.* [Александр Беляев. Хойти-Тойти]

*Надворный советник набрал полную грудь воздуха и **зажмурившись** (сов.) **полез** (сов.) пальцами в рану. – Надворният съветник пое дълбоко въздух, **зажумя** (сов.) и **бръкна** (сов.) в раната с пръсти.* [Борис Акунин. Ф.М.]

*С досадою **извинившись** (сов.), пристав **вышел** (сов.) в прихожую, распахнул дверь и увидел на пороге некого иного как надзирателя третьего квартала Никодима Фомича. – Приставът с яд се **извини** (сов.), стана, **отиде** (сов.) в антрето, отвори вратата и видя на прага не друг, а надзирателя на трети квартал Никодим Фомич.* [Борис Акунин. Ф.М.]

***Выругавшись** (сов.), Валентина **затормозила** (сов.) у тротуара. – Валентина **изруга** (сов.) и **закова** (сов.) до бордюра.*

[Борис Акунин. Ф.М.]

Быстро одевшись (сов.), *я вышел* (сов.) *из палатки. - Облякох се* (сов.) *бързо и излязох* (сов.) *от палатката.* [Александр Беляев. Амба]

Следует отметить, что болгарские переводчики при переводе деепричастий со значением предшествования очень часто прибегают к **действительным причастиям прошедшего времени от глаголов сов. вида**⁸.

В этих случаях русский глагол-сказуемое заменяется болгарским глаголом совершенного вида и таким образом сохраняется отношение между основным и второстепенным сказуемым.

Срв.: *Затем села в тревожном ожидании возвращения Разумихина и робко стала следить за дочерью, которая, **скрестив*** (сов.) *руки, и тоже в ожидании, **стала*** (сов.) *ходить*

*взад и вперед по комнате, раздумывая про себя. – После седна и зачака тревожно да се върне Разумихин, като плахо следеше дъщеря си, която, **скръстила*** (прич. сов. в.) *ръце и също в очакване, **започна*** (сов.) *да се разхожда замислено напред-назад из стаята.* [Федор Достоевский. Преступление и наказание]

Следует отметить, что предшествование может обозначаться также сочетанием деепричастия **совершенного вида** с глаголом **несов. вида**, в котором присутствует и оттенок **одновременности**. В этих случаях для более четкого выражения отношений предшествования активно используются болгарские времена предшествования.

Срв.: *Несколько раненых офицеров **сидели*** (несов.) *на лавке, **подобрав*** (сов.) *костыли, – бледные, грустные. – Няколко ранени офицери **седяха*** (несов.) *на пейката, **прибрали*** (прич. сов. в.) *патериците си – бледни, тъжни.* [Михал Лермонтов. Герой нашего времени]

⁸Причастия этой разновидности формируют болгарские времена предшествования [см. 4, с. 289]: прошедшее неопределенное (перфект) – *писал съм*; прошедшее предварительное (плюсквамперфект) – *бях видял*; будущее предварительное – *ще съм носил*; будущее предварительное в прошлом – *цях да съм ходил*. [см. 4, с. 289 - 350].

Мери сидела (несов.) на своей постели, *скрестив* (сов.) на коленях руки; ее густые волосы были собраны под ночным чепчиком, обшитым кружевами; большой пунцовый платок покрывал ее белые плечики, ее маленькие ножки прятались в пестрых персидских туфлях. – *Мери седеше* (несов.) на леглото си, *скръстила* (прич. сов. в.) ръце на колене; гъстата ѝ коса беше събрана под ноцнашапчица, обшита с дантели; голям тъмночервен шал покриваше белите ѝ раменца и мъничките ѝ краченца се криеха в пъстри персийски чехли. [Михал Лермонтов. Герой нашего времени]

Авдотья Романовна то садилась (несов.) к столу и внимательно вслушивалась, *то вставала* (несов.) опять и *начинала* (несов.) ходить, по обыкновению своему, из угла в угол, *скрестив* (сов.) руки, *сжав* (сов.) губы, изредка делая свой вопрос, не прерывая ходьбы, задумываясь. – *Авдотья Романовна ту сядаше* (несов.) до масата и внимателно се заслушиваше, *ту пак ставаше* (несов.) и *започваше* (несов.) да се разхожда от единия край на стаята до другия, както правеше обикновено, *скръстила* (прич. сов. в.) ръце, *стиснала* (прич. сов. в.) устни, като задаваше нарядко по някой въпрос, без да се спира и замисля. [Федор Достоевский. Преступление и наказание]

III.3. Перевод деепричастий со значением следования.

Отношения следования определяют деепричастие как означающее действие, которое следует за основным действием. Выражается это отношение чаще всего деепричастиями и глаголами **сов. вида**. Как правило, деепричастие находится в постпозиции.

Срв.: *Но это уже неважно, – неожиданно заключила* (сов.) она, *снова бросив* (сов.) взгляд на мою мать. [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]

Перевод, выражающий отношения следования, представляет собой сложносочиненное предложения со спрягаемыми глаголами-сказуемыми **сов. вида**, причем глагол, соответствующий деепричастию, находится в постпозиции по отношению к другому глаголу.

Срв.: *А ведь я так и знал, что вы не спите, а только вид показываете, – странно ответил* (сов.) незнакомый ему человек, *спокойно рассмеявшись* (сов.). – Аркадий Иванович Свидригайлов,

позволяете отрекомендовать...— Знаех си, че не спите, а само се преструвате – **отговори** (сов.) странно непознатият и спокойно се **засмя** (сов.). – Позволете да ви се представя: Аркадий Иванович Свидригайлов... [Борис Акунин. Ф.М.]

– И опять-таки забыл, – **прокричал** (сов.) Азазелло, **хлопнув** (сов.) себя по лбу, – совсем замотался. – Ах, забравих! – **възкликна** (сов.) Азазело и **се плесна** (сов.) по челото. – Съвсем съм се объркал! [Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита]

Старушка от волнения выронила из рук полотенце, **задрожала** (сов.), с ужасом **установившись** (сов.) на Штирнера. – От вълнение старицата **изтърва** кърпата от ръцете си, **затрепера** (сов.) и **загледа** (сов.) Щирнер с ужас. [Александр Беляев. Властелин мира]

Варенуха **выбежал** (сов.), **захлопнув** (сов.) за собою дверь и через боковой ход устремился (сов.) в летний сад. – Варенуха **изхвърча** (сов.) навън, **тръшна** (сов.) подире си вратата и през страничния вход се понесекъмлятната градина. [Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита]

IV. Анализ перевода деепричастий в роли второстепенного сказуемого позволил не только описать основные способы их передачи на болгарский язык, но и выявить определенную закономерность, связанную с видовыми отношениями между деепричастием и глаголом: в переводе обязательно надо сохранять видовые отношения между русскими деепричастием и глаголом. В противном случае, как правило, меняется тип хронологической соотнесенности.

Например, очень часто в переводах деепричастия несовершенного вида, которые в сочетании с глаголом сов. вида обозначают одновременность, заменяются болгарским глаголом совершенного вида в результате чего в переводе возникают:

– отношения следования:

– *Стоп, стоп, стоп!* – **сказал** (сов.) себе Ника, **гледя** (несов.) на мокрую руку с окровавленным пальцем. – *Стоп, стоп, стоп!* – **каза си** (сов.) Ника и **погледна** (сов.) мократа си ръка с окървавения пръст. [Борис Акунин. Ф.М.]

Указывая (несов.) на хлеб, **спросил** (сов.): – *Это как по-вашему?* – **Посочи** (сов.) хляба и **попита** (сов.): – *Вие как му*

казвате? [Анатолий Приставкин. Ночевала тучка золотая];

– отношения предшествования:

Глядя (несов.) *на тропические деревья в кадках, на плазменный телевизор в холле, Фандорин спросил* (сов.): – Скажите, а на какие средства содержится эта прекрасная клиника?

– *Фандорин огледа* (сов.) *качетата с тропически дръвчета, плазменния телевизор във фойето и попита* (сов.): – А с чии средства се издържатази прекрасна клиника? [Борис Акунин. Ф.М.]

Меняется хронологическая соотнесенность и в случаях, когда происходит замена вида деепричастия и глагола.

одновременность – следование:

Оставьте их вдвоем, говорил (несов.) *Воланд, склоняясь со своего седла к седлу мастера и указывая* (несов.) *вслед ушедшему прокуратору, – не будем им мешать. – Оставьте ги сами – каза* (сов.) *Воланд, наведен от седлото си към седлото на Майстора, и посочи* (сов.) *подир отишлия си прокуратор, – да не им пречим.* [Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита]

Изменение не только видовой принадлежности деепричастия, но и его места в предложении также может привести к трансформации хронологической соотносительности основного и второстепенного сказуемого. В этом отношении показателен, например, следующий случай:

Он мигом навел его на ближайшего к нему стоящего, но у того раньше, чем кот успел выстрелить, в руке полыхнуло огнем, и вместе с выстрелом из маузера кот шлепнулся (сов.) *вниз головой с каминной полки на пол, уронив* (сов.) *браунинг и бросив* (сов.) *примус. – В миг го насочи към застаналя най-близо до него, но още преди котаракът да успее да стреля, в ръцете на човека проблесна огън и едновременно с изстрела от маузера котаракът хвърли* (сов.) *примуса, отърколи се* (сов.) *от камината надолу с главата, падна* (сов.) *на пода и изтърва* (сов.) *броунинга.* [Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита]

В оригинале сопровождающее действие второстепенных сказуемых *уронив* и *бросив* однозначно следуют за действием основного сказуемого *шлепнулся*. Об этом свидетельствует не только смысл предложения, вытекающий из его лексического наполнения,

но и такие формальные показатели, как употребление деепричастий сов. вида, находящихся в постпозиции по отношению к основному сказуемому, выраженному также глаголом совершенного вида. В болгарском предложении глагольная форма *хвърли* (соответствие деепричастию *бросив*), занимая препозицию, начинает выражать предшествование.

V. Описанные способы передачи деепричастий в роли второстепенного сказуемого на болгарский язык и наблюдения над их использованием дают основание сделать однозначный вывод – для адекватной передачи хронологической соотнесенности обязательно надо сохранять видовую принадлежность как деепричастий, так и глаголов, обозначающих основное сказуемое. Немаловажным является и сохранение оригинального места деепричастия по отношению к основному сказуемому.

Следует отметить, что в статье намечены только основные положения, связанные с переводческими трансформациями деепричастий в роли второстепенного сказуемого. Существует еще целый ряд особенностей, которые предстоит проанализировать и выяснить.

Библиографический список

1. Васева Ив. Теория и практика перевода. – С.: Наука и искусство, 1980. – 254 с.
2. Георгиев С.П. Българска морфология. – Велико Търново: Абагар, 1993–398 с.
3. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Айрис-пресс, Рольф, 1997 – 448 с.
4. Граматика на съвременния български книжовен език, т.2 / Морфология. – С.: БАН, 1983 – 511
5. Граматика на съвременния български книжовен език, т.3 / Синтаксис. С.: БАН, 1983 – 465 с.
6. Гугуланова Ив. Българските причастия и деепричастия в славянски контекст. – С.: УИ «Св.Климент Охридски», 2005. – 218 с.
7. Дерibas Л.А. О замене деепричастных оборотов синонимичными конструкциями. //Русский язык в школе. – 1962. – №5. – С. 18-23
8. Искренкова М.С. Деепричастие как второстепенное сказуемое. // Вестник МГОУ – Серия «Русская филология». – 2011.– №3 – С. 17 – 21

9. Попов К. Синтаксис. – С.: Наука и искусство, 1963 – 346 с.
10. Русская грамматика, т. 2 / Синтаксис. – Например, очень часто в переводах деепричастия несовершенного вида, которые в сочетании с глаголом сов. вида обозначают одновременность, заменяются болгарским глаголом М.: Наука“, 1980 – 716 с.
11. Чувашева О.М. Предложение-высказывание с деепричастиями цели. // Язык – текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах: материалы международной научной конференции. – Самара: Универс групп, 2011– С. 308-310.

ХРОНИКА

КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИИ» СОСТОЯЛАСЬ В СОФИИ

Международная научно-практическая конференция „Современные тенденции в изучении русского языка, культуры и истории“ проведена в Софии 2 и 3 октября 2020 г. Конференция была организована Обществом русистов Болгарии и Университетом национальной и мировой экономики (УНМЭ) при поддержке дружественных организаций. В конференции, которая состоялась в очно-дистанционном формате, приняли участие специалисты по русскому языку, русской литературе, переводу, межкультурной коммуникации, методике обучения русскому языку как иностранному и родному и истории из 11 стран: Болгария, Россия, Сербия, Польша, Норвегия, Франция, Испания, Казахстан, Турция, Грузия, Австрия.

Участников конференции приветствовали Наталья Брунова – генеральный секретарь Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, Михаил Мусов – главный секретарь по международному сотрудничеству УНМЭ, Ольга Широкова – директор Российского культурно-информационного центра в Софии, д-р Стоянка Почеканска – государственный эксперт в Министерстве образования и науки.

С пленарными докладами на актуальные темы выступили авторитетные ученые: проф. Лиляна Цонева (Болгария) – «Вирус, коронавирус, COVID-19 – жизнь актуальных слов», проф. Рафаэль Гусман Тирадо (Испания) – «О сложностях перевода лексики с культурным компонентом (на материале произведений М.М. Зощенко)», Ольга Владимировна Барабаш (Россия) – «Межъязыковые параллели в русской и болгарской юридической терминологии», Зоя Адамия (Грузия) – «Об опыте проведения марафона вебинаров для филологов, преподавателей и студентов по иностранным языкам».

Программа конференции предвидела обсуждение актуальных вопросов функционирования современного русского языка в синхронии и диахронии, рецепции русской литературы, перевода в контексте межкультурного общения, современных аспектов преподавания русского языка как родного и иностранного и актуальных форм обучения в онлайн среде. Состоялся также круглый стол «Современные вызовы и проблемы изучения и преподавания российской истории в Европейском Союзе и Юго-Восточной Европе».

По завершении конференции будет издан сборник докладов.

*доц. д-р Антония Пенчева
председатель Оргкомитета конференции,
председатель Общества русистов Болгарии,
член президиума МАПРЯЛ*

Бирова Илка Любенова
Доктор филологии, доцент
Софийский университет
им. Св. Кл. Охридского
Болгария, г.София
ilkabirova@mail.bg

Birova Ilka Lubenova
Associate Professor PhD
Sofia University St. Kl. Ohridski
Bulgaria, Sofia
ilkabirova@mail.bg

И. Л. Бирова

УЧИТЕЛЬ С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Аннотация: Текст посвящен личности и делу Лианы Петровны Карарусиновой, талантливому учителю русского языка и литературы. Она проработала более 30 лет в 35-ой софийской средней школе, воспитала поколения учеников и ряд болгарских русистов, создала полезные учебники и пособия по русской литературе для старших классов.

Ключевые слова: учитель, русский язык и литература, личность, творчество, школа.

I. L. Birova

TEACHER WITH A CAPITAL LETTER

Annotation: This text is dedicated to personality and activity of liana Petrovna Kararusinova - talented Teacher of Russian language and literature. She has worked more than 30 years at 35 high school in Sofia, has educated generations of students and many Bulgarian specialists in Russian studies, has created useful teachers and students books of Russian literature for the high school.

Key words: Teacher, Russian language and literature, personality, research activity, school

Настоящий текст посвящен Лиане Петровне Карарусиновой – эрудированному знатоку русского языка и литературы, талантливому педагогу и исследователю, моей любимой учительнице. В школьные годы она представила нам с вдохновеньем и любовью красоту и богатство русского языка и культуры, и мы полюбили их на всю жизнь. Для некоторых из нас занятие русским языком стало любимой профессией. Я глубоко благодарна Лиане Петровне за то, что она дала мне такой красивый стержень в жизни. Сейчас моей

учительнице 87 лет, и хотя болезни уже напоминают о себе, она продолжает с улыбкой общаться с людьми и радоваться жизни. Этот светлый человек доказывает, что душа не стареет и остается молодой.

Здесь я попробую показать важные моменты жизни и творчества Лианы Карарусиновой, которые отражены в ее автобиографической книге «Листочки трепетлики», изданной в 2009 г. в Софии. Название книги сочетает русское и болгарское слова (рус. **листочки** и болг. **трепетлика**/рус. **осина**). Это неслучайно, потому что большая часть сознательной жизни Лианы Карарусиновой связана с ее любимой Болгарией, где она живет со своей семьей. Именно в **осине** автор почувствовала свое любимое деревце.

Лиана Петровна родилась 25 июля 1933 года в г. Павловске, под Ленинградом. Лия Петровна – представительница мужественного и стойкого поколения, которое пережило войну и выстояло, но дорого заплатило за это. По словам моей учительницы, война – самое противочеловечное дело на земле, которое люди никогда не должны забывать, чтобы не допускать его снова. Для сохранения памяти в книге «Листочки трепетлики» размещены рядом фотографии красивого Петродворца и его разрушенный вид во время войны. Лия Петровна была девочкой, когда пережила жестокую блокаду Ленинграда и впервые в жизни познала ужас. Острые сигналы воздушной тревоги, частые бомбежки, страх не потерять мать, постоянный голод и смерть людей. Зимой 1941-42 года в блокадном Ленинграде были очереди за хлебом и полагалось по 125 граммов на человека, тогда многие умирали от голода и холода. Ужасные моменты войны врезались в память 8-летней девочки и оставили глубокую рану на всю жизнь. После пережитого кошмара войны Лия вместе с родителями прожила спокойное время на архипелаге Новая Земля, где работал ее отец. Его качества – смелость, выдержка, чувство ответственности – были примером для дочери. Она мечтала стать моряком, хотела быть как балтийцы – спасители Ленинграда. И хотя эта мечта не сбылась, любовь к морю и морякам осталась навсегда. После войны семья переехала в г.Архангельск, а потом в с.Пречистое, где прошли школьные годы. Атмосфера дружбы, уважения и любви дали Лии Петровне положительный заряд на всю

жизнь. Тогда она впервые осознала слова Чернышевского «приятно чувствовать себя человеком». Потом были интересные годы учебы на филологическом факультете МГУ, когда перед юной Лианой открылся заманчивый мир русской литературы. Ее любимыми поэтами с тех пор и на всю жизнь стали Ю. Лермонтов и В. Маяковский.

В 1958 г. после окончания МГУ Лиана Петровна получила назначение на работу в Комсомольске-на-Амуре, который сильно полюбила. Началась школьная жизнь молодой учительницы русского языка и литературы. В своей книге она пишет, что не ходила, а мчалась на уроки, как на спектакль. Ребята обожали слушать, когда она читала им стихи, и даже когда бил звонок, никто не шевельнулся. Еще тогда Лиана Петровна не только обучала и уважала своих учеников, но стала учиться у них. Именно они дали ей первые уроки против зазнайства и урок пристального внимания и уважения к каждой человеческой личности, несмотря на слабости и допущенные ошибки. С тех пор школа стала ее жизнью.

Красивая и глубокая любовь связала Лиану Петровну с Болгарией, куда в 1959 г., уже замужем, она приехала жить в Софии. Болгария стала ее второй родиной. Она с любовью и полной отдачей работала учительницей русского языка и литературы, обучая и вдохновляя поколения болгарских учеников. В 35-ой софийской школе с преподаванием русского языка Лиана Карарусинова проработала более 30 лет и оставила светлый след в сердцах учеников, родителей и коллег. Мне тоже посчастливилось быть одной из тех, которых она зажгла ярким светом своей личности. Его мы ощущали не только во время вдохновляющих уроков, но и в интересной внеклассной работе – в организации спектаклей и выступлений, во время походов, бригад и экскурсий. Лиана Петровна увлекала нас своим идеализмом, энтузиазмом и полной отдачей любимому делу. Свой вдохновенный труд и поддержку она отдала не только ученикам, но также учителям на курсах усовершенствования педагогической квалификации. Несколько лет она работала инспектором в Центре усовершенствования учителей русского языка в Софии. За высокие профессиональные достижения в сфере образования Лиане Карарусиновой присвоено звание заслуженного

учителя Республики Болгария и высокий орден им. Кирилла и Мефодия. Международным признанием достойного труда на поле русистики стало вручение Лии Карарусиновой Пушкинской медали от имени Международной Ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ).

Кроме светлой личности и яркого педагога, Лиана Карарусинова является и талантливым и продуктивным исследователем, автором ряда статей, учебников и учебных пособий. Среди них особо следует отметить учебники русской литературы для старших классов средней школы, учебное пособие «Знаете ли вы советское кино?» [1984] и названную выше автобиографическую книгу «Листочки трепетлики» [2009] Далее перечислены учебники и учебные пособия, созданные с активным участием Лии Карарусиновой, которые переиздавались в разные годы и по которым обучались поколения болгарских учеников:

Советская литература. Учебник для X класса единой средней политехнической школы, Л. П. Карарусинова, София, Народна просвета, 1982, 1986, 1989.

Русская литература: Учебник для X-XI классов средней политехнической школы, Е. Метева, Л. П. Карарусинова, София, Народна просвета, 1973, 1975.

Русская литература. Учебник для IX класса единой средней политехнической школы, Р.Македонова, Л. Карарусинова, София, Народна просвета, 1987

В человеке все должно быть прекрасно. Книга для домашнего чтения в IX классе. Р.Македонова, Л.Карарусинова, М.Овчарова, София, Народна просвета, 1982

Знаете ли вы советское кино? Учебно помагало за ученици от VIII-IX класове на ЕСПУ, София, Народна просвета, 1984.

Лия Карарусинова убеждена, что культура – главная составляющая нашей жизни и она немислима без искусства. В книге о кино чувствуется преклонение автора перед миром искусства, который одухотворяет человеческую жизнь: «Трудно представить, какой была бы жизнь человека без искусства. Мир потускнел бы, потерял бы свои опьяняющие краски. Великое наслаждение несет человеку искусство. Без его понимания закрыт путь к счастью

наслажденья им, к творчеству.» В популярной и занимательной форме книга знакомит молодых читателей со сведениями о рождении, истории и специфике седьмого искусства на лучших образцах советского кино, показывает роль режиссера, сценариста, оператора, композитора, актеров в создании художественного фильма, рассказывает о творческом пути деятелей искусства. Среди заголовков в книге есть такой- «Роль на всю жизнь». Такой ролью на всю жизнь для Лии Карарусиновой стала роль учителя. В своей книге «Листочки трепетлики» она написала: «Для меня, проработавшей в школе более 30 лет, профессия учителя – счастливая профессия. Десятки лет быть среди юных, жить одной жизнью с ними, помогать им искать ключи к прекрасным творениям человеческого гения, учить их и учиться у них – это ли не счастье!»

В заключение я хочу еще раз подчеркнуть, что Лиана Петровна – яркая личность и Учитель не по долгу службы, а по зову сердца. Педагогическая деятельность и творчество Лианы Петровны Карарусиновой – светлый вклад в русистику, в высокое дело обучения, воспитания и вдохновения людей добром, красотой и силой художественного слова и искусства. Моя учительница писала о своем любимом поэте Владимире Маяковском: «Это был человек, отдавший людям все свое большое сердце». Эти слова полностью можно отнести к Лиане Карарусиновой – Учителю с большой буквы.

РЕЦЕНЗИИ

Сыромля Наталья Николаевна
Доктор филологи, доцент
Киевский национальный университет
технологий и дизайна
Украина, г. Киев
e-mail: siromlya.nata@gmail.com

Syromlia Nataliia Nikolaevna
Associate professor, PhD
Kiev National University
of Technologies and Design
Ukraine, Kiev
e-mail: siromlya.nata@gmail.com

*«ВГЛЯДЫВАНИЕ, ВДУМЫВАНИЕ В ЧУЖУЮ
ЖИЗНЬ, В ЖИЗНЬ ИЛИ ЦЕЛОГО НАРОДА, ИЛИ
ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА ОТДЕЛЬНО, ДАЁТ
НАБЛЮДАТЕЛЮ ТАКОЙ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
И ЧАСТНЫЙ УРОК, КАКОГО НИ В КАКИХ
КНИГАХ НЕ СЫЩЕШЬ...»*

(И. А. Гончаров)

Н. Н. Сыромля

**Рецензия на монографию «Образ Западной Европы
в русском языковом сознании XVIII – XX веков»
(автор д-р филологических наук, проф. Л.П. Иванова)**

Аннотация: Рецензия на монографию «Образ западной Европы в русском языковом сознании XVIII – XX веков» (автор д. филол. наук, проф. Л. П. Иванова), LAP LAMBERT Academic Publishing a trademark of International Book Market Service Ltd., member of Omniscriptum Publishing Group, 2019. (103 с.) (ISBN 978-620-0-44046-4). Вербальная оценка выдающихся представителей русского этноса стран и народов Западной Европы является отражением восприятия в русском языковом сознании XVIII – XX веков, в работе дана возможность пронаблюдать, как с развитием общества меняется и его оценка.

Ключевые слова: лингвоимагология, образ, Е. Р. Дашкова, Д. И. Фонвизин, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Германия, Франция, Англия.

N. N. Syromlia

Review of the monograph “The Image of Western Europe in the

**Russian Linguistic Consciousness of the XVIII – XX centuries”
(by Doctor of Philology, prof. L.P.Ivanova)**

Abstract: Review of the monograph “The Image of Western Europe in the Russian Linguistic Consciousness of the XVIII – XX centuries” (by Doctor of Philology, prof. L.P.Ivanova), LAP LAMBERT Academic Publishing a trademark of International Book Market Service Ltd., member of Omniscryptum Publishing Group, 2019. (103 p.) (ISBN 978-620-0-44046-4). The verbal assessment of the outstanding representatives of the Russian ethnos of the countries and peoples of Western Europe is a reflection of the perception in the Russian linguistic consciousness of the XVIII – XX centuries, the work gives the opportunity to observe changes of the assessment during the process of development of society.

Keywords:linguimagology, image, Dashkova E.R., Fonvizin D. I., Karamzin N.M., Pushkin A.S., Gogol N.V., Germany, France, England.

Исследование Л. П. Ивановой выполнено в русле нового направления лингвистических исследований, разрабатываемого автором– лингвоимагологии, исследующей языковое воплощение (лингво-) образа (имидж) народа или страны в сознании другого народа.

В центре внимания работы – оценка стран и народов, которую автор делит на оценку животного, растительного мира, природы, географических особенностей, социального устройства, этнической специфики, культуры и науки (отталкиваясь от мысли А.С.Пушкина о роли климата, веры, традиций и обычаев для формирования национального характера), а также – прецедентные феномены, стереотипы, исторические личности, религия, культура и искусство.

Материалом для изучения национального мировидения, которое проявляется в особенностях восприятия чужой страны и ее народа выдающимися представителями русского языкового сознания, стали путевые заметки, письма Н. В. Гоголя, Е. Р. Дашковой, Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Д. И. Фонвизина, проанализированные автором монографии с позиций концепции вариантности-инвариантности В. М. Солнцева. Как пишет Л. П. Иванова, инвариант – русское мировидение, обусловленное русским языковым сознанием и русской языковой картиной мира, а

вариант – индивидуальное видение, ориентир – тексты талантливых людей, которые способны адекватно воспринять и описать увиденное, т.е. каждый автор воплощает вариант мировидения по отношению к русскому мировидению (инвариант).

В монографии выделены четыре раздела. Первый посвящен общей характеристике лингвоимагологии, ее соотношению с другими новыми направлениями языкознания (лингвокультурологией, теорией коммуникации и особенно с межкультурной коммуникацией), определяются перспективы лингвоимагологического исследования.

В первом разделе монографии яркое впечатление производит пример лингвоимагологического анализа отрывка из романа Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», описывающего въезд А. С. Грибоедова в Тейрань, сцены, определившей главное событие романа, – трагическую гибель русского дипломата (А. С. Грибоедов въехал на «вороном жеребце», что вызвало у носителей персидской культуры ассоциации с вороным конем, на котором в свое время въехал убийца святого имама Хусейна, сына Алиева, Ибн-Саад).

Л. П. Иванова анализирует микротекст и обращает внимание читателя на «столкновение двух культур, незнание и непонимание одной из них приводит к трагическим последствиям»: скептическая оценка русского дипломата пышности встречи, тошнотворный тонкий вой, исходящий из толпы и переулков, синекдоха – халаты, «белые пятна вместо лиц». По наблюдениям автора исследования, напряжение в читателе создается с помощью строения микротекста: «каждое новое движение и событие начинаются с новой строки... четырежды восклицания, называющие имама Хусейна – явный факт мусульманской культуры..., чрезвычайно интересный синтаксис, призванный интриговать читателя: простые неосложненные предложения, предложения начинаются присоединительным союзом «и», создающим эффект цепного нанизывания, как в русских летописях» (с.12). (См.также: Ivanova L.P. (2018) Representing the Persian realities of the beginning of the 19-th century in the Russian artistic text of the 20-th century (based on Tynianov's novel "The death of Vazir Mukhtar") Language Art 3, (4); pp.93-104, Shiraz, Iran.[In Russian] DOI: 10.22046/LA.2018.24).

Такой акцент в начале монографии определяет практическую значимость работы: «...данные лингвоимагологических исследований могут обеспечить адекватную межкультурную коммуникацию» (с.12).

Второй раздел посвящен образу Германии в русском языковом сознании XVIII–XX веков, представленному, во-первых, оценкой Д. И. Фонвизина (выделены тематические группы: 1) Города в целом; 2) Дороги и постоянные дворы как отражение культуры, искусство, церковь, обычаи; 3) Немцы); во-вторых, – А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, в-третьих, оценкой представителями русской эмиграции начала XX века на материале книги «Русский Берлин» ((Составление, предисловие и персоналии В.В.Сорокиной). – М.: изд-во Моск. Ун-та, 2003. – 368 с.).

Анализируя рецепцию Д. И. Фонвизина Германии и немцев, автор подытоживает исследование цитатой: «Вообще сказать могу беспристрастно, что от Петербурга до Ниренберга баланс со стороны нашего отечества перетягивает сильно. Здесь во всем генерально хуже нашего: люди, лошади, земля, изобилие в нужных съестных припасах – словом, у нас все лучше, и мы больше люди, нежели немцы». Такое завершение описания своих впечатлений от Германии Д. И. Фонвизин дает в письмах после положительных оценок дорог, искусства, немецкой бани, чистоты в домах и постоянных дворах.

Противоречивое восприятие Берлина русскими эмигрантами в XX веке ярко выражено в одном из писем И. Эренбурга: «Весь мир тогда глядел на Берлин. Одни боялись, другие надеялись: в этом городе решалась судьба Европы предстоящих десятилетий. Все мне здесь было чужим – и дома, и нравы, и аккуратный разврат, и вера в цифры, в винтики, в диаграммы. И все же я тогда писал: ...поверь мне за глаза и полюби Берлин – город отвратительных памятников и встревоженных глаз» (с.33).

Л. П. Иванова сопоставляет оценку немцев русскими с самооценкой, обращаясь к «Франкфуртским лекциям» Г. Бёлля: «...я обозначил послушание и подчинение как единственную общественную реальность, созданную всей предшествующей историей немцев; говоря проще: немцы подчиняются столь же охотно, сколь охотно требуют подчинения» (с.42).

В работе неоднократно акцентируется внимание читателя на том, что основным аспектом лингвоимагологического анализа является следующий: оценка прежде всего характеризует не оцениваемое, а оценивающего. Таким образом, с помощью анализа вербальной оценки стран Западной Европы носителями русского языкового сознания автор помогает нам лучше узнать не столько страны и их народы, сколько воспринимающую сторону, наших предков–носителей русского языкового сознания.

В третьем разделе в центре внимания исследования – Франция. Анализ образа Франции в рецепции Д.И.Фонвизина представлен согласно следующей тематической классификации: 1) Города, 2) Французы; 3) Обычаи и традиции; 4) Государственное устройство. Король; 5) Французская литература и писатели; 6) Театр; 7) Франция – Россия. Новацией данного раздела стал материал исследования: публицистика и эпистолярный В. А. Жуковского, Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, которые характеризовали как французскую литературу в целом, так и отдельных писателей (расположены по степени упоминаемости): Вальтер, Руссо, Дидро, Мюссе, Буало, Корнель, Гюго, Лафонтен и другие.

При жизни Д. И. Фонвизина публикация записок не была разрешена из-за изображения кризисного положения во Франции накануне революции как урока для русского правительства. Именно эти «Записки...» сыграли важнейшую роль в формировании русской прозы, как отмечается в «Краткой литературной энциклопедии».

Анализируя вербализацию впечатлений Д. И. Фонвизина, автор обращает внимание на противоречивое восприятие писателя, который, описывая города, подчеркивает нечистоту и скверное содержание улиц: «При въезде в город (речь о Ландо – прим. Н. С.) ошибла нас мерзкая вонь, так что мы не могли уже никак усомниться, что приехали во Францию. Словом, о чистоте не имеют здесь нигде ниже понятия, – все изволят лить из окон на улицу, и кто не хочет задохнуться, тот, конечно, окно не открывает»; «...достиг славного города Лиона. Дорога в сем государстве очень хороша, но везде по городам улицы так узки и так скверно содержатся, что дивиться надобно, как люди с пятью человеческими чувствами в такой нечистоте жить могут».

Впечатления от Парижа также характеризуются как амбивалентные: «...нет шагу, где б не находил я чего-нибудь совершенно хорошего, всегда, однако ж, возле совершенно дурного и варварского... сам Париж немного почище свиного хлева. Я вам наскучил уже описанием нечистоты града сего; но истинно, я так сердит на его жителей, что теперь рад их за это бранить от всего сердца. Сойдя с крыльца, надобно тотчас нос зажать. Мудрено ли, что здесь делают столько благоуханных вод: да без них бы, я думаю, все задохлись».

Л. П. Иванова подчеркивает, что писатель смотрит на мир, страну, ее народ сквозь призму реалий России, постоянно сравнивая новое с уже укоренившимся в сознании – родным, российским, рассказывая нам, современным читателям, какие были обычаи в России 19 в., что считалось приемлемым и важным, а что вызывало неприятие.

Так, автор отмечает, что французское дворянство поражает русского писателя своим невежеством: «Дворянство...ни уха ни рыла не знает. Многие в первый раз слышат, что есть на свете Россия и что мы говорим в России языком особенным, нежели они». Приводится наблюдение об уме французов и умении говорить: «...надобно отдать справедливость здешней нации, что слова сплетают мастерски, и если в том состоит разум, то всякий здешний дурак имеет его превеликую долю», отмечаются «празднословие» и «праздность», «непостоянство и ветренность», но, в то же время, обращается внимание на то, что «...при неизъяснимом развращении нравов есть во французах доброта сердечная».

По наблюдениям автора монографии, писатель удивлен и предельно эмоционален при описании столового белья («оно так толсто и так скверно вымыто, что гадко рот утереть») и рубашек («...для чего к такой дерюге пришивают они тонкие прекрасные кружева? На сие, в извинение, сказали мне...этого не видно снаружи...»): «Как обычно, ситуация рассматривается на фоне аналогичной русской, где в бедных домах столовое белье в будни лучше, чем в знатных домах Франции в праздники, хотя автор стремится быть справедливым и объективным: “хороший стол”. Для современного читателя наблюдение Д. И. Фонвизина удивительно:

мы привыкли считать все французское, связанное с сервировкой, образцовым во все времена» (с.55).

Исследователь отмечает эмоциональное осуждение поверхностности французов и их нравов, среди пороков названы невежество, суетность, которая проявляется в страсти к новостям, вранье и скупости: «Отношение к деньгам французов вызывает абсолютное неприятие русского путешественника, что проявляется прежде всего в конструкции тождества: божество – деньги; труд стоит в одном ряду с подлостью (оформляется идентичными однородными определительными придаточными предложениями; препозиция «к большим злодеяниям» заостряет внимание на характеристике)» (с.59).

В исследовании обращается внимание читателя на актуальность мыслей Д. И. Фонвизина о соотношении воспитания и образования: «Воспитание во Франции ограничивается одним учением. Нет генерального плана воспитания, и все юношество учится, а не воспитывается», т.е. «обучение, ранняя профессиональная ориентация без воспитания, которое должно осуществляться по «генеральному плану», нецелесообразны» (с.63).

В третьем разделе Л. П. Иванова отмечает, что наибольшее внимание французской литературе посвятил А. С. Пушкин, который писал не менее эмоционально, чем Д. И. Фонвизин, но дал и анализ, выявление причинно-следственных отношений, представляя как литературный критик и ученый-литературовед: «сущность французской поэзии XIX в. – “романтическое жеманство”, форма – “классическая”. В период Людовика XIV поэзия получила самую негативную оценку А. С. Пушкина: “ничтожность”, “в ребячестве”, “без всякого направления и силы”, сформировалась “лжеклассическая поэзия”» (с.73).

Именно в высказываниях А.С.Пушкина Л. П. Иванова находит критерии поэзии – «оригинальность и искреннее вдохновение» (с.75), признание влияния французской литературы на русскую, которое было «всегда» и было «самым большим», за исключением поэзии, которая сохранила свою «независимость от вкусов и требований публики» (с.76). Подобная оценка присуща и Н. В. Гоголю: «К чести, однако ж, верного поэтического чутья нашего нужно сказать то, что в

образец пошел один Лафонтен затем именно, что был ближе к природе» (там же).

Подчеркивая особенность оценки характеризовать не столько оцениваемое, сколько оценивающего, Л. П. Иванова подытоживает раздел: выдающиеся русские писатели XIX века предстают эрудированными, прекрасно знающими французскую литературу, отмечено их стремление к максимальной объективности, не обходят вниманием негативные моменты, подчеркивают отсутствие решающего влияния французской литературы и литераторов на отечественную словесность.

В четвертом разделе монографии предметом исследования становится рецепция Англии. Выбор обусловлен вниманием современных СМИ к Англии и англоязычной Америке, что связано с экстралингвистическими факторами. Кроме того, как отмечает автор, английский язык, став языком международного общения, активно изучается в учебных заведениях различного уровня, являясь символом престижности и респектабельности, кроме того, с освоением английского языка в сознание вносятся ценности и фрагменты мировоззрения англичан и американцев. Именно поэтому важно осознавать, как формировалась оценка и восприятие Англии и англичан в русском языковом сознании (с.89).

Материалом для исследования образа Англии послужили «Записки княгини Е. Р. Дашковой», которая в свое время посетила Ирландию и Шотландию, путевые заметки Н. М. Карамзина, эпистолярный и публицистика А. С. Пушкина (который ни разу не выезжал за границу по политическим причинам, поэтому его оценки базируются на английских публицистических и литературных источниках), публицистика Н. В. Гоголя, воспринимавшего Англию через призму архитектуры.

Е. Р. Дашкова, сподвижница Екатерины II, Президент Российской академии, первой писала об Англии и англичанах, продемонстрировав в своих «Записках» прекрасное знание истории, естественных наук, и в то же время мягко высмеивая представления ирландцев о русских: «Ее желание было законом для меня, я составила арию в четыре голоса; после двухнедельного приготовления она было пропета в присутствии многочисленного

собрания, которое с любопытством пришло послушать, на что способна русская медведица в музыкальном искусстве». Автор монографии определяет яркую асимметрию взаимных оценок в данном отрывке. Анализируя высказывания Е. Р. Дашковой о взаимоотношениях Англии и Ирландии, показывает постановку проблемы, активно обсуждаемой и в наши дни: Е. Р. Дашкова видит благополучие Ирландии под покровительством Англии.

В восприятии Англии Н. М. Карамзиным Л. П. Иванова выявляет противоречивость оценки по оси «высоко ценить – негативно отзываться» в отрывке про английский язык: «Язык важен для патриота; и я люблю англичан за то, что они лучше хотят свистать и шипеть по-английски с самыми нежными любовницами своими, нежели говорить чуждым языком, известным почти всякому из них» (с.91).

Для А.С.Пушкина, который основывался на английских публицистических и литературных источниках, Англия – место производства и торговли продукцией легкой промышленности. Его «горячее сочувствие и возмущение» вызывает положение рабочих: «...горькое удивление по поводу сложившегося противоречия: машины, призванные избавить от “каторжной” работы, “лишают 5 или 6 тысяч народа последнего средства к пропитанию” (об одежде, духовной пище и т.п. речь даже не идет)» (с. 93).

Английский язык и культура широко представлены в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин», по результатам исследования Л. П. Ивановой, «Англия репрезентируется 9 именами: Байрон, Бенгам, Гиббон, Прадт, Ричардсон, Сей, Скотт, Смит, Шекспир. Варваризмы и заимствования из английского языка выполняют следующие функции: цитаты и аллюзии, реалии быта, настроение, прецедентные имена и тексты» (с.93). Отметим, что анализу романа с позиций лингвоимагологии посвящен отдельный подраздел.

Завершает исследование рецепции Англии представителями русского языкового сознания вывод об отсутствии, с одной стороны, умильного любования, с другой – критиканства.

Подводя итоги, автор определяет перспективность лингвоимагологических исследований как практически безграничную, поскольку «всякий народ и страна в любой период

своей истории интересны представителям других народов» (с.99) и подчёркивает важность лингвоимагологии, которая дает прочный фундамент межкультурной коммуникации, т.к. все события и оценки оставляют в ментальности след, и, опираясь на впечатления предшественников, можно и нужно строить толерантное общение между народами и государствами.

IN MEMORIAM

ЕКАТЕРИНА СТЕФАНОВА СТАНЧЕВА-АРНАУДОВА (03.05.1936 – 19.09.2020)

Недавно ушла от нас д-р Екатерина Станчева-Арнаудова – талантливый русист, университетский преподаватель и переводчик. Она была глубоко связана с Софийским университетом им. Св. Климента Охридского, где проработала 34 года – с 1962 по 1996 г. Вместе со своим мужем, д-ром Дамяном Арнаудовым, преподавателем русского языка в Художественной академии в Софии – оба они были примером высокого профессионализма в сфере русистики, личного обаяния и красивых человеческих взаимоотношений.

Д-р Екатерина Станчева родилась в г. Стара Загора в 1936 г. В 1959 г. она окончила филологический факультет Софийского университета по специальности «Русская филология». В 1962 г. Е. Станчева стала преподавателем на существующей тогда Второй кафедре русского языка в Софийском университете, а в 1971 г. стала старшим преподавателем. В 1973 г. Е. Станчева защитила диссертацию в Софийском университете на тему: «Языковые средства комического в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова» и стала кандидатом филологических наук (ныне доктором филологии). Д-р Станчева написала научные статьи в сфере лингвистики, функциональных стилей русского языка, стилистики текста и лингводидактики. Сам по себе этот факт говорит о широте научных взглядов и богатой филологической культуре автора. В своих публикациях наша коллега исследовала вопросы индивидуального стиля писателей (И.Ильфа, Е.Петрова, В.Шолохова и др.), проблемы лингвистики и лингвистического анализа текста как основы в обучении русскому языку. Д-р Е. Станчева была на специализации по русскому языку в МГУ в 1970 и 1982 г. Можно сказать, что наша коллега всю жизнь работала над усовершенствованием своей

филологической и общей культуры.

Д-р Е. Станчева была эрудированным преподавателем, она умела увлекать русским языком студентов «Болгарской филологии», а также обучаемых других специальностей и факультетов. Среди ее профессиональных качеств надо выделить: коллегиальность, отзывчивость, высокий профессионализм, желание делиться своим опытом с коллегами и поддерживать молодых коллег, уважение к личности студента, способность вдохновлять и увлекать любовью к слову, к русскому языку и культуре.

Кроме опытного преподавателя, Екатерина Станчева-Арнаудова была отличным переводчиком. Она перевела 5 научно-популярных книг с русского на болгарский язык, изданные в Софии издательством «Техника»: «Несерьезные Архимеды» Ф.Кривина и др.(1977), «Были ли они на Земле?» – сборник статей, посвященных гипотезе о космическом палеоконтакте, сост. И. Лисевич (1984), «Забавные рассказы о железе» Н. Мезенина (1983), «Рассказы о «ненужных» открытиях» В. Пекелиса (1979), «Начнем с дождя» Л. Филимонова (1984). Эти книги раскрывают малоизвестные факты и явления в мире науки и техники и отличаются высоким переводческим мастерством. Д-р Е. Станчева была членом Союза переводчиков, Союза научных работников Болгарии и Общества русистов Болгарии. За свои профессиональные и творческие достижения в 1986 г. д-р Е. Станчева награждена орденом Кирилла и Мефодия I степени.

Как личность, Катя Станчева обладала неповторимым женским обаянием, физической и душевной красотой и изысканностью. Когда вспоминаю о нашей коллеге, в голову приходит мысль Чехова: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». В памяти своих студентов, коллег и друзей д-р Екатерина Станчева-Арнаудова оставила светлый след и достойный пример преподавателя, переводчика, исследователя и по-чеховски прекрасного человека.

Бирова Илка Любенова
доц. д-р Кафедры русского языка
Софийского университета
им. Св. Кл. Охридского

ДИАНА НИКОЛАЕВА ШКОДРОВА

ДИАНА НИКОЛАЕВА ШКОДРОВА

17 ноября 2020 года ушла из жизни главный ассистент кафедры русской филологии Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского Диана Николаева Шкодрова. Выпускница Великотырновского университета им. святых Кирилла и Мефодия, она долгие годы преподавала на кафедре русской филологии. Диана Николаева Шкодрова – председатель Общества русистов города Пловдива и Пловдивской области, была представителем золотого поколения болгарских русистов, создавших фундамент современной русистики в Болгарии.

Диана Николаева Шкодрова первой проявила убежденность в актуальности сопоставительных исследований русского и других языков, приобщив к своей идее германистов, романистов и англистов. Она написала множество научных статей, внося свой вклад в славистическую компаративистику.

Мы потеряли профессионала высокого класса, преподавателя, целиком посвятившего себя своему делу, хорошего, честного, скромного и трудолюбивого человека, доброжелательного коллегу.

Наша Диана! Невозможно выразить свою скорбь!

Вечная память!

доц. д-р Надя Чернева
ПУ им Паисия Хилендарского

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: **bgrusisty@gmail.com** <mailto:bolgrusistika@gmail.com>. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*. К публикации принимаются ранее не опубликовывавшиеся **авторские материалы на русском языке**.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 пунктов.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

На **русском языке** без сокращений приводятся: *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученая степень, ученое звание; название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*).

Просим оформлять данные в одну колонку, как показано:

Борисов Иван Викторович
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: borisov@rambler.ru
Borisov Ivan Viktorovich
Professor, Dr. Sc.
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: borisov@rambler.ru (10 пт.)

И.В.Борисов (11 пт.)
**ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЯЗЫКА**
(12 пт.)

Аннотация. 10 пт., до 800 знаков с пробелами

Ключевые слова: 10 пт., не более 10 слов

I.V.Borisov (11 пт.)
THE EXPRESSIVENESS OF MODERN POLITICAL LANGUAGE
(12 пт.)

Abstract. 10 пт. до 800 знаков с пробелами

Keywords: 10 пт., не более 10 слов

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на **русском языке**: 12 пунктов, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски — постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, 10 пт. Библиографические ссылки заключаются в квадратных скобках [номер библиографического списка, страница], например: [2], [7, с.84]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 пт).

Библиографический список приводится после текста статьи с нумерацией по принципу алфавитного именованного указателя фамилий авторов (сначала на кириллице; потом на латинице по латинскому алфавиту). Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Напр.:

Библиографический список (11 пт.)

1. Орлов Л.М. Современная реклама // Стиль. – 2008. – № 4. – С. 65–70 .
2. Сергеева В.П. Проблемы научного текста. – М.: Проспект, 2013. – 156 с.

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Дружество на русистите в България
Списание «Болгарская русистика»
ул. Никола Мирчев № 35
София 1113
e-mail: bgrusisty@gmail.com